

К 1442803

100

Нина ГРУЗДЕВА • ДУША

Нина ГРУЗДЕВА

Душа

Нина
ГРУЗДЕВА

Душа

Нина
ГРУЗДЕВА

Душа

ИЗБРАННОЕ

Вологда
· 2011

*Книга издана областным Департаментом культуры
по решению Правительства области*

Ответственный за выпуск
А. А. ЦЫГАНОВ

Груздева Н. В.

Душа: Избранное.– Вологда, 2011.– 236 с., портр.

Сборник избранных стихотворений Нины Васильевны Груздевой «Душа» составляют как уже известные всероссийскому читателю произведения, так и новые, созданные поэтом в последние годы. Поэзия Нины Груздевой заявила о себе во второй половине 60-х – начале 70-х годов. Ее поэзия покорила читателя присущим ей сочетанием одухотворенности и яркой эмоциональности. Ее стихи охотно печатали престижные столичные журналы и литературные издания. Известный поэт Илья Сельвинский в «Литературной газете» назвал ее имя в созвездии лучших поэтесс страны. Но после окончания Литературного института, казалось, все оборвалось. Издательства отказали в издании книг. Н. В. Груздева писала без всякой надежды на выход к читателю. И вот снова засияла звезда поэта. В 1995 году вышли сразу два сборника Нины Груздевой: «Твое имя» и «Воскресение», по которым она была принята в Союз писателей России. Затем увидели свет еще два сборника – «Звезда» (1998) и «Часы песочные» (2001), за который Н. Груздевой была присуждена Всероссийская литературная премия «Звезда полей» имени Н. М. Рубцова за 2003 год. В 2004 году ей был вручен Диплом I Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо» в номинации «Лучшее лирическое стихотворение», а в 2006 году она вновь стала победителем III Международного конкурса поэзии «Золотое перо».

Стихи поэта и материалы о ее творчестве часто печатают столичные журналы и газеты: «Москва», «Наш современник», «Роман-журнал – XXI век», «Литературная Россия», «Российский писатель», «День литературы», а в конце 2005 года международный журнал «Балтика» (г. Таллин) опубликовал ее стихи в разделе «Поэты России – начало XXI века».

Стихи Н. В. Груздевой опубликованы в антологии «Русская поэзия XX века» (г. Таллин), вышедшей в 2005 году, а статья о ее жизни и творчестве включена в трехтомный библиографический словарь «Русская литература XX века», изданный Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (2005 г.).

Сборник стихотворений «Красшек зари» был признан лучшим произведением 2007 года и удостоен «Большой литературной премии России».

Живет Н. В. Груздева в Вологде.

М. Руднев

ДУША

Везде душа моя витает:
Что ждёт, что любит, чем горит...
Она и в сумерках не тает,
И днями с вами говорит.

Она повсюду с вами будет:
В любви, на отдыхе, в трудах,
И вы её найдёте, люди,
В моих стихах.

* * *

После нас не останется писем.
А душевные связи тонки,
И уносятся в звездные выси
Телефонные наши звонки.

Может, где-то в межзвездной Вселенной
На звезде или в райском тепле
Вдруг настигнет звонок, тот, последний,
Не заставший меня на Земле.

* * *

Прокрался краешек зари
В окно мое больничное.
Другое, что ни говори,—
Вторичное, третичное...

В природе тишина царит,
Но скоро пробуждение.
И этот краешек зари —
Предвестник возрождения.

А это, что ни говори,—
Души моей истоминка,
И я за краешек зари
Держусь, как за соломинку.

* * *

Я – вся из звуков, вся из хлеба.
Как та высокая сосна,
Я головой касаюсь неба,
Корнями в землю проросла.

Протягиваю в вечность руки.
Сначала слышимы едва,
Оттуда неземные звуки
В земные вяжутся слова.

А мне светло и одиноко.
Через меня струятся вниз
На Землю солнечные токи,
Земные – в небо поднялись.

Угузев

ЗВЕЗДА

Сергею Алексееву

Ночь была очень звездной, когда
Меня мама на печке рожала.
За трубу зацепилась звезда
И на крыше моей ночевала.

Тут отец поспешил на прием,
Он пупок завязал так умело!
А звезда своим синим огнём
Обожгла мою душу и тело.

И с тех пор так любя мне земля
И небесные манят чертоги,
Но с тех пор постоянно болят
Эти звездные злые ожоги.

18 сентября 1998

РОДНОЕ

Отцовские места.
Черемух снежный цвет...
Простая красота –
Ее дороже нет!

Зовет в свои края
Родных видений власть...
Здесь простота моя,
Я с нею родилась!

Уруцев

ЗДРАВСТВУЙТЕ, КЛЕНЫ!

*Светлой памяти брата Василия,
погибшего в 1943 году, защищая Родину*

Еду домой посмотреть на весну.
В новый наряд одеваются кроны.
Как мне на вас захотелось взглянуть...
Здравствуйте, клены!

...Летнюю тропку, как в детстве, топчу...
Дом мой родительский, старый и скромный.
Вами я вновь любоваться хочу,
Здравствуйте, клены!

...С поезда скорого я на заре
Снова спешу из краев отдаленных
Видеть вас в золоте и – замереть...
Здравствуйте, клены!

...Ветры вас били и вьюги секли.
Вы, словно мать, сединой побелены.
Низкий поклон вам до самой земли!
Здравствуйте, клены!

Знаю, еще до великой войны
Брат вас садил, молодой и влюбленный...
Память о нем сохранить вы должны...
Здравствуйте, клены!

ЛИСТИК

Нине Чухиной

Я – не царь, а часть природы,
Как деревья, как трава,
И бывают непогоды,
А сегодня – синева!

Ветерок чуть слышно дышит,
Нежно щеки холодит
И деревья не колышет,
Только листья шевелит.

На душе тепло и чисто.
День хороший проведя,
Отдыхаю, словно листик
После летнего дождя.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Ах, какой высокий в небе день,
И жужжит парящий зной,
Облака, как гуси-лебеди,
Проплывают надо мной.

И далекая-далекая
Тучка ветром опахнет,
Обойдя вокруг да около,
Вдруг растает-пропадет.

Я с улыбкой и беспечностью,
Словно в облаке, плыву,
Синевой дышу, как вечностью,
И, как в вечности, живу.

* * *

Александру Цыганову

День прошел, и опять перевернута жизни страница.
За окошком шуршит ненавязчивый реденький дождь.
Натрудившись, душа хочет к близкой душе прислониться,
Только где же сейчас ты ей душу такую найдешь?

Души все в камышах. Не шелохнутся тихие ветки.
Их сейчас не найдешь там, хоть днем с фонарями ищи...
Как с душой нараспашку по жизни прошли наши предки,
Так сегодня мы все поголовно ушли в камыши.

Что же делать теперь? Я опять дни за днями листаю.
Неужели навечно бездушием мир занемог?
Раньше были друзья. Где теперь ваша звонкая стая?
Приходите сюда. Поспешите на мой огонек!

ЛЮБОВЬ

Не удивляйся, я приду сама,
Как солнце, как прозренье, как чума,
Болезнь заставлю жизнью, красотой,
Сокровища несметные открою,
Руками, как крылами, обойму,
Прильну дыханьем к сердцу твоему,
Заставлю биться сладостно и больно,
Пока себе я не скажу: «Довольно!».
И, раскаливши душу добела,
Сама уйду неслышно, как пришла.

ВСТРЕЧА

Однажды он пришел за мной
В погожий вечер,
И наклонился шар земной
Ему навстречу.

И я совсем легко сошла
Ему на плечи...
Какая музыка плыла
В тот тихий вечер!

И эта музыка звучит
Во мне и всюду,
И кто-то шепчет мне в ночи:
– Мы есть и будем!

* * *

Не проклиная тех, кого люблю,
И ревностью слепой не унижаю.
Я в добрый путь любимых провожаю,
А боль свою сама перетерплю.
Не проклиная тех, кого люблю.

Любовь вольна. Её не удержать,
Не заковать её в сундук железный.
Чем мучиться надеждой бесполезной,
Уж лучше непогоду переждать.
Любовь вольна. Её не удержать.

* * *

Надежде верила, мечте,
Жила и в были я, и в небыли,
Богами я считала тех,
Что никогда богами не были.

Вот так и ты – ушел, как все,
Ушел поникший, словно высекли,
Так звезды в утренней росе –
Светили, да под солнцем высохли!

Казалось, что любовь была –
И радость встреч, и грусть прощания.
Была, да, видимо, мала.
Как в капельке – звезды мерцание.

Ой, сердце, ты – моя беда,
Уж верить разучиться надо бы!
Но где же ты, моя звезда, –
Звезда, что не в росе, а на́ небе?

* * *

Я хотела с тобой побродить
Той лесною весенней дорогой,
Не желая ничем повредить
Тишине этой северной строгой.

Я хотела с тобой подышать
Тем пьянящим листом тополиным,
Не желая ничем помешать
Этим гибким цветущим рябинам.

Я хотела послушать с тобой
Щебет птиц и реки воркованье,
Посмотреть в небосвод голубой,
Что свое проливает сиянье.

Я боялась: не сможешь один
Ты понять их, как я понимаю,—
Этих взгорков и этих низин
И черемух, разбуженных маем.

Нам бродить бы с тобой допоздна...
Там и слов никаких нам не надо.
Но была запоздалой весна.
Снег все падал, и таял, и падал...

ТИШИНА

А что такое тишина?
Да, что такое тишина?
И вы ответить мне должны,
Что тишина – из тишины.
А нет! Она из шепота,
А тишина – из хохота!
Мне кажется, она жива
И говорит она слова,
Что я живу неправильно,
Что жизнь не так поставлена.
И сетует, и сетует,
Как дальше жить – советует.
И вдруг взорвется хохотом,
И самым страшным шепотом
Мне в ухо крикнет в ярости:
– Так будешь жить до старости?
...Она одна, и я одна...
Вот что такое тишина.

СЧАСТЬЕ

Волненья, волненья,
Дороги, дороги...
На дальних дорогах
Тревоги, тревоги.

Ночлег беспокойный,
Случайные встречи,
И в доме у речки
Обычные речи,

В беде и в болезни
Людское участие...
А я и не знала,
Что все это – счастье!

* * *

Какая ранняя весна!
Какая сильная!
И зазвучала тишина,
А небо – синее!

Мели холодные ветра,
Да сразу стихнули,
И, неприметные вчера,
Веснушки вспыхнули.

Мне милый теплые слова
Сказал уверенно,
И закружилась голова,
И я поверила.

Сверкает талая вода,
А солнце – южное!
Но возвратились холода
И ветры вьюжные.

Была небес голубизна,
А стала – с роздымью,
Стояла ранняя весна,
А будет поздняя.

Хрустит замерзшая трава.
Невзгоды выпали.
Остыли теплые слова
И льдом рассыпались.

* * *

Где-то месяц плывет во ржи,
Где-то плачут от счастья люди...
Удержи меня, удержи –
Больше ночи такой не будет!

Будет просто алым восход
И закаты – как все закаты,
Что-то главное в нас умрет –
Будем сами в том виноваты.

Очень просто, а не понять,
Очень просто, а не ответить –
Почему даже в двадцать пять
Мы доверчивы, словно дети?

Видишь – месяц плывет во ржи,
Слышишь – нет в тишине покоя!
Удержи меня, удержи
И погладь по щеке рукою.

* * *

Я по льду шла –
Был тонок лед.
Я мед пила –
Был горек мед.

Ох, мне идти
Нельзя по льду!
И нет пути,
А все ж пойду!

Ох, мне нельзя
Тот мед не пить –
Твои глаза
Нельзя забыть!

Нельзя, нельзя...
Через – нельзя –
К твоим глазам
Иду, скользя.

Сорвусь под лед
Ну, так и быть,
Оставлю мед
Другой допить!

* * *

Сидишь —
Нога на ногу,
Говоришь —
Новости.
Я с тобой —
На небе,
Без тебя —
В пропасти!
Мне с тобой
Целый век
Говорить
Надо бы.
Если ты —
Человек,
Возьми меня
На небо!
Заведи
В райский сад,
Подними
На руки.
Захочу
Снова в ад —
Надкушу
Яблоко!
Все равно
И в аду
Не сожгут —
Нé за что,
Вновь до рая
Дойду
За твоей
Нежностью!

* * *

Хотела сердце я стреножить,
Как летом лошадь на лугу,
Я не хочу тебя тревожить
И не тревожить не могу.

Не потому ли в этот вечер
Я лучшей жизни не хочу,
И, вновь упав к тебе на плечи,
Все что-то нежное шепчу.

Тут просто все и все неложно.
Круг замкнут – не разъединить,
И этот вечер невозможно
Ни оправдать, ни обвинить.

И только утро, только утро,—
Еще и солнце не взойдет,—
Все на места расставит мудро
И всех заблудших разведет.

* * *

В пути и пусто, и темно,
Не видно встречного,
Но светит мне твое окно
Сквозь вьюги вечные.

И в том окне притушен свет.
Иду с опаскою,
Не знаю: ждет меня иль нет
Мой милый, ласковый.

Что, если скажет мне в ответ
На взгляд мой пристальный:
— Не для тебя зажег я свет
На этой пристани!

...И вновь в моем пути темно:
Ни звезд, ни месяца,
Но мне опять твое окно
Сквозь вьюги светится.

ТВОЕ ИМЯ

Когда уходит в сон сознание,
Когда печаль не по плечу,
Я в темноте, как заклинанье,
Вдруг имя тихое шепчу.

Оно звучит, как прежде, свято,
В нем много веры, много сил.
Вот так же предок мой когда-то
Вдруг «Господи!» произносил.

И, забывая все былое,
Тебя и всех твоих друзей,
Одно магическое слово
Храню я в памяти моей.

Оно во мне живет и дышит,
Как будто талисман живой.
Оно сильней, значимей, выше
Всех наших встреч и нас с тобой.

* * *

Тебе другие нравятся,
А я тебе не нравлюсь,
С тобой другие справятся,
А я с собой не справлюсь!

А потому и нравятся,
Что далеки их губы,
А потому и справятся,
Что слишком мало любят!

А я в твоих объятиях
Живу и умираю,
А я к тебе – распятием
Руки простираю,

И падаю... Ох, падаю!
Сама себя ломаю.
И ладно ли, ох, ладно ли –
Отлично понимаю.

Но где пути из омута,
И как уйти к другому-то?

* * *

Я водой заливала,
Засыпала песком,
А она расцветала
Самым ярким цветком!

Я ногами топтала,
Я косила косой,
А она выступала
Чистой-чистой росой!

Я косила – шептала:
«Не моя! Не моя!».
А она мне сказала:
– Нет, бессмертная я!

Не нужны мне хоромы,
Не нужны терема,
А меня похоронишь –
Станешь мертвой сама!

Не топи меня в речке,
Не старайся зарыть,
А занует сердечко –
Не старайся забыть! –

Так любовь мне сказала...
...Занимался восток.
Я золой засыпала
Самый яркий цветок.

* * *

Ты не хмурься. Я скоро уеду.
Будет мелкий, навязчивый дождь.
Ты проводишь меня.
Не последним
Ты спокойно с перрона уйдешь.

Только где-то глубоко-глубоко
Затаится грустинка в глазах.
Ты почувствуешь, как одиноко
В этих каменных гулких стенах.

А потом, перед сном, на мгновенье
(Иль во сне уже, иль наяву)
Я явлюсь к тебе добрым виденьем,
Тихо имя твое назову.

И нахлынет, как вешняя стая,
Шумным всплеском распахнутых крыл.
Ты поймешь, что меня не хватает,
Ты поймешь, что меня полюбил.

Оживут эти гулкие стены.
В окнах будет светлей и светлей...
Ты поймешь, что боишься измены,
Той далекой измены моей!..

А напишешь письмо – не поверю
(Мало ль, мысли случайно придут),
Осторожно откроются двери.
Ты войдешь. Притворюсь, что не жду.

«Я пришел», – скажешь ты виновато.
Я тоску прочитаю в глазах.
«Не один... Там со мною ребята...»
И не будет дороги назад.

* * *

Я не буду писать письма,
Не пойду я за ним по следу...
Может, я приеду сама,
Может быть, совсем не приеду.

Поезд, поезд, мой давний друг,
Не зови меня в эти дали,
Совершая по жизни круг,
Много мы с тобой повидали.

Что мне ехать? Куда? К кому?
Что еще мне искать по свету?
Мой единственный путь – к нему
Под строжайшим теперь запретом.

Нет, не ждет меня теплый кров,
А тяжелые, как удушье –
На любовь – его нелюбовь,
На порыв – его равнодушие.

Совершая по жизни круг,
Все становится вдруг понятно...
Поезд, поезд, потише, друг,
Дай, я лучше вернусь обратно.

Угузев

СВЕТ

Уехал. Не воротишься назад...
Что звать? Быть может, нам не по пути,
Но долго будет твой кричащий взгляд
Будить меня и вслед за мной идти.

Твои глаза горят в любом окне,
В любой звезде и в капле дождевой...
Зачем горит, зачем идет ко мне
Весь этот свет, зовущий и немой?

Я говорю, а он не говорит.
Он лишь молчит,
молчит,
молчит в ответ...
Хочу уснуть, а он горит, горит...
Какой он беспощадный, этот свет!

* * *

Прости – прощай, моя мечта.
Моя жестокая отрада!
И ты – не тот, и я – не та.
И все не так, как было надо!

А без тебя какая жизнь?
Ну что ж, я тихо все приемлю,
Но режут крыльями стрижи
Наполненную криком землю!

* * *

Если виноват – стесняться глупо.
Подойди и кудри опусти.
Купол сердца, словно неба купол,
Все объемлет, видит и простит.

Истина любви... Она простая.
Это ты давно доверил мне:
На плече снежинкою растаять
Или плакать горестно во сне.

* * *

Если б чувствовал ты,
Как твоя мне улыбка нужна!
По ночам мои слезы
Подолгу мне спать не дают...
Если встретимся мы,
Широко улыбнется луна,
Если встретимся мы,
То, наверно, снега расцветут!

* * *

Если виноват – стесняться глупо.
Подойди и кудри опусти.
Купол сердца, словно неба купол,
Все объемлет, видит и простит.

Истина любви... Она простая.
Это ты давно доверил мне:
На плече снежинкою растаять
Или плакать горестно во сне.

* * *

Часто я на тебя смотрю,
Часто думаю:
Может, я не тебя люблю,
А мечту мою.

Может, это – былые дни,
Дни весенние.
И нашли меня вновь они,
Нет спасения!

* * *

Я могла бы молчать, молчать,
Стихнув, как ветерок утих,
Только нашей любви печать
Все лежит на губах моих.

Не ломается – не сургуч,
И не плавится – не смола...
О, язык любви, ты могуч,
Тяжелы у тебя слова!

Скажешь слово ты – не перечь,
Канешь в душу ты – сражена,
И во рту застывает речь,
Только в сердце звенит струна.

Слышу я везде этот звон,
И гоню его, и ловлю,
И звенит мне со всех сторон:
«Я люблю его, я люблю!».

* * *

Успокойся,
Я больше тревожить не стану
Этой щедрой моей
И нелепой любовью,
Только в тихую полночь
Видением встану
Над кроватью твоей,
К твоему изголовью.

И тебе невдомек:
Этой ночью притихшей
Бог сошел с золоченого
Высшего трона
И упал на траву,
Зарыдав, словно нищий,
Покатилась его
Золотая корона.

* * *

Мы и влюбляемся, и плачем,
Стихам не ведая цены,
Хоть ничего для тех не значим,
Кому они посвящены.

Ну, что ж! А, может быть, потомки
(То было б высшей из наград)
Пригреют наших чувств обломки,
И чувства вновь заговорят.

* * *

Открывем сердечных «америк»
Похвастаться я не могу.
Любви уплывающий берег
И ты – на другом берегу.

Два берега – левый и правый,
Две левых и правых руки...
Без веры, без жизни, без права,
Мы все-таки были близки.

Но канула в бездну надежда,
Не смея и слова сказать,
А я продолжаю, как прежде,
Смотреть в дорогие глаза,

Покуда они дорогие,
Покуда я боль не таю,
Пока не заглянут другие
Попристальней в душу мою.

Улицей

* * *

Уймите справедливые упреки,
Что труд в стихах моих не побывал,
Стихов я не выдумывала строки –
Их кто-то мне ночами диктовал!

Нет, не бралась не за свое я дело,
И, кажется, по-своему права,
Я так писала, как душа велела, –
Любовь и слезы сплавила в слова!

* * *

Не отдохнув, не разлюбив
Все то, что дорого мне было,
Вдруг снова сердце полюбило,
Обид недавних не забыв.

Дитя природы, вольный дух
Вдруг начинает обновляться.
Все кончилось, чтоб вновь начаться.
Огонь угас, но не потух.

Угрюмов

* * *

«Я не унижусь пред тобою»

М. Ю. Лермонтов

Я не унижусь пред тобою,
Хоть ты высок, но мне под стать.
Ты можешь стать моей судьбою,
Крылатой песней можешь стать!

Приди, покуда я страдаю,
Покуда я прийти прошу,
Тебя ищу, тобой пылаю,
Тобой, единственным, дышу.

Доволен будь своей судьбою,
Уверен будь в себе, пока
Трепещет, бьется над тобою
Моя печальная строка.

Но ни слезой, ни словом пошлым
Ее не требуй, не буди,
Когда она, оставшись в прошлом,
Не отзовется впереди!

* * *

Ты – просто прохожий,
Уйдешь ты – и нету,
На ветер похожий,
Что мчится по свету.

Я верить хочу
В мимолетное счастье
И ветру кричу:
«Останься, останься!..»

Кричу почему я?
Его не догонишь!
Его поцелуй
Щекочут ладони.

Щекочут, смеются
На радость? На горе?
В душе остаются
Надолго, на годы.

* * *

Александр Грязеву

На сердце будто полюс холода.
Ветра. И, кажется, вот-вот
Весь мир разрушится, расколется
И небо в бездну упадет.

Но ветер стихнет, все уляжется
И солнце выйдет посветить,
И вдруг опять тебе покажется,
Что так вот все должно и быть,

Что ничего нас не касается
Лишь только в мире забытья,
Что буря все-таки кончается,
А ты – частица бытия.

* * *

Берег левый и правый...
Волны лъстивы и зыбки.
Добродушной отравой
Покорили улыбки.

Счастье мне улыбалось
Твоим солнечным взглядом,
И тогда мне казалось,
Будто рядом ты, рядом!

Рядом плечи и руки,
Будто нет расстоянья.
Только были разлуки,
Только были страданья.

Дни уже далеки те...
Плачу я от бессилья.
Что же вы не летите,
Мои крылышки-крылья?

* * *

У плетня пустеющего сада
Снова провожаю журавлей...
Милый друг мой, мне уже не надо
Опоздавшей нежности твоей.

Тихо очи долу опускаю.
Дум моих не слышат журавли.
Ни цветы – живыми лепестками,
Ни снега мои не расцвели.

Не считаю, сколько пролетело
Тех осенних птичьих верениц:
Без любви душа осиротела,
И шепчу ей вслед: «Вернись, вернись!..»

Я не знаю, сколько будет весен
С этим нежным шелестом берез,
На какое лето лягут росы
От моих невыплаканных слез.

У плетня пустеющего сада
Снова провожаю журавлей...
Милый друг мой, мне уже не надо
Опоздавшей нежности твоей.

* * *

Все кончено. Ни звука, ни строки...
Теперь пора задуматься настала.
Уже под темным ночи покрывалом
Далекие не светят огоньки.

И не понять, что с памятью стряслось:
Все было беспокойно и любимо,
Но дни прошли, и все промчалось мимо
И оказалось: ты – случайный гость.

Да, все проходит. Раз и навсегда.
Хоть мы вперед ушли еще немного,
Но все назад от нас бежит дорога,
И расцветают веснами года.

Угузев

* * *

Не знаю я, ты близок иль далек,
Но в сердце слышу музыки звучанье,
Ношу в душе горячий уголек
И слова жду, а мне в ответ – молчанье.

Хочу создать я рай и в шалаше,
Но может быть, стремления напрасны?
Не погуби мелодию в душе,
Не дай же угольку тому погаснуть!

* * *

Нет, уйти мне назад бы,
Да какую тропую?
Как тебя мне назвать бы,
Есть ли слово такое?

Все слова растяжимы,
Неточны, многогранны...
Самый-самый любимый,
Самый-самый желанный!

Угузев

* * *

Я хотела тебя забыть,
Но в мечтах ты и днем, и ночью.
Посоветуй же, как мне быть,
Если сердце забыть не хочет?

Нет, не сможешь ты мне помочь...
Строчки, строчки... ложатся сами.
Их не я пишу, это ночь
О тебе говорит стихами.

* * *

Манишь ты меня, хоть и не любишь.
Что со мной ты делаешь? Ответь!
От любви не умирают люди,
Только сердце может умереть.

Вот тогда не спрашивай ответа.
Так лови ж огонь, скорей лови!
Пусто человеку в этом свете,
Если сердце глухо для любви!

Уруцев

* * *

Милый, сердцу очень тяжело!
И печаль, и грусть...
Ах, зачем любовь с натяжкой,
Лучше лопнет пусть!

Сердце я ключом закрою
Крепкого литья...
Только что мне это стоит –
Буду знать лишь я!

* * *

Посижу, помолчу:
Говори, говори!
Так молчать я хочу
До зари, до зари!

Мне к рукам бы припасть,
Посмотреть бы в лицо,
Только робости власть
Крепко держит плечо.

Надо много сказать,
Но, опомнюсь едва,
Только встречу глаза —
Забываю слова.

Мне бы встать и уйти
От тебя, от тревог,
Только нету пути,
Только нету дорог!

* * *

Забыл, забыл!.. Зову – ни звука!
Молчать? Кричать ли «караул!»?
Ты все: от встречи до разлуки
Легко молчаньем зачеркнул.

Приди... Явись хоть на мгновенье!
Звать бесполезно! Сумрак. Тишь...
Откликнись! Не хочу забвенья!
...Но как его предотвратишь?

* * *

Я трудно шла на зов любви,
Я верно шла, чтобы воскреснуть,
Твердя себе: «Зови, зови
Свою потерянную песню».

Но светлый луч блеснул как раз.
Он бездну осветил, сгорая.
И снова полночь. Луч погас.
И я стою одна у края.

М. Кузнецов

* * *

Ах, как сердце кричит!
Хоть не слышно, но больно,
А вокруг все молчит,
А кругом все спокойно.

И спокоен скворец,
И спокойна береза,
Лишь из раны в коре
Будто катятся слезы...

* * *

Я несу тебе нежность,
А в глазах твоих снежность.
Неужели, любимый,
Снежность неистребима?

Нет, тебе не солгу я,
Свое сердце сожгу я,
Растоплю твою снежность,
Разбужу твою нежность...

Все равно растоплю,
Потому что... люблю!

* * *

– Не могу без тебя, ты слышишь? –
Закричу я в темень.
Ночь над ухом чуть слышно дышит,
Тихо тикает время.

Я смеяться, смеяться буду
Над своим ненастьем.
Пусть посмотрят, поверят люди:
– Вот у этой счастье!

Да и ты поглядишь с досадой:
– Локоть близко...
Ох, не надо бы, ох, не надо
Сыпать искры!

* * *

Любовь моя, печаль моя
Какою мерой мерятся?
А сердце все не мирится,
А сердцу все не верится.

Оно разлуку чуяло,
А я (уж делать нечего!)
Шепчу ему, шепчу ему:
– Все в жизни переменчиво!

Все в жизни переменится,
Все в жизни перемелется...
А сердце все не мирится,
А сердцу все не верится...

* * *

Пройдет и это... Как снежинка
Растает, и вода сбежит...
И той же ты пойдешь тропинкой,
И так же близко будешь жить...

А я, быть может, у калитки
Вдруг встречу новую весну,
Жестокою, как эта пытка,
И вновь до зорьки не засну.

* * *

Ох, как жду я твоего ответа
Каждый день с надеждою шемящей,
Но опять сегодня: «Писем нету!» –
Мне ответил мой почтовый ящик.

И смотрю я на него в смущенье,
Будто он сейчас всему основа.
Но какое мне принять решение?
Может быть, к тебе поехать снова?

Угрюмов

* * *

Ты поменьше им верь,
Тем, кто ходит с доносом.
А запри лучше дверь
Перед самым их носом!

Ты не верь их слезам,
На слова не надейся,
Лучше глянь мне в глаза,
В них же светится сердце!

ПРОСТИ

Ты мне нравишься. Честное слово!
Только капельку, только немножко,
А люблю я совсем другого,
Где найти мне к нему дорожку?

И за то, что я вечер каждый
В мыслях только его встречаю,
Друг, прости меня хоть однажды,
Как его я всегда прощаю!

* * *

Мы не все друг другу рассказали –
Лишь обломки чувств, обрывки речи.
В нашей жизни, словно на вокзале,
Только расставания и встречи.

Только встречи те уж очень кратки
И стократ длиннее расставанья.
Встретиться нельзя нам без оглядки,
А легко ль любить на расстояньи?

Да и кратких встреч не так уж много –
Тем дороже ласковое слово.
Пред тобою – долгая дорога,
Предо мною – ожиданье снова.

Вот опять не те слова сказали,
Душу понапрасну беспокоя.
Вот и снова я, как на вокзале, –
Все машу вослед тебе рукою.

* * *

Страданье видеть перестал,
Страдание высокое...
Ты по лицу меня хлестал
Словами, как осокою.

А я была совсем нема –
Вот это расставание!
Нет, я сидела не сама,
А только изваяние.

А я смотрела в те глаза –
Далекие-далекие.
Чего-то ты не досказал –
Ходил вокруг да около.

А кудри черные твои
Так разливались волнами!
В душе умолкли соловьи.
Ты не спросил, не больно ли?

Поднялся, запросто ушел
От очага погасшего...
Тебе, наверно, хорошо!..
Мне какво – не спрашивал.

Урушев

* * *

Теперь, когда шагаю мимо я,
Не спросишь, как идут дела,
А я была твоей любимой,
Твоей единственной была.

А вспомню – и самой не верится,
Что целовал средь бела дня,
Что по крутой высокой лестнице
Ты на руках носил меня!

Но погоди, еще припомним мы,
Да так, что хоть стихи пиши,
Как пригоршнями, счастья полными,
Тебя поила я в тиши.

И станет близким все далекое,
Вся боль, все радости, вся жизнь...
Какими меряется сроками
Мое забвение, скажи?

Молчишь. В глаза мне смотришь
пристально.
Я думаю: хоть жизнь груба,
Но, может быть, на дальней пристани
Меня иная ждет судьба...

* * *

От дождя проливного намокли
Клены, листья резные клоня...
Что ты так неприветливо смотришь
Из-под темных ресниц на меня?

Может, вымолвишь нежное слово
Хоть одно – и рассеется грусть.
Коль такой ты сегодня суровый,
Что ж, сама я тебе улыбнусь!

Ну вот видишь – светлеет дорога
И от туч проясняется высь,
И куда-то исчезла тревога,
Да и брови твои разошлись.

* * *

Обещания, как снег,—
Выпали — растаяли.
Обещания, как смех,—
Сыпали — оставили.

Мне снежинок не собрать —
Тают, разливаются.
Мне смешинок не поднять —
Снова рассыпаются.

Все сиди одна, гадай:
Любится — не любится...
Лучше ты не обещай
То, чего не сбудется.

* * *

Я скажу тебе: «Счастливо!
Уходи к другой, счастливо!».
Очень просто, очень лживо
Я скажу тебе: «Счастливо!».

А какое ж это счастье,
Если сердце рвет на части?
Все не просто в этом мире,
Все не дважды два – четыре!

Если сможешь оглянуться,
Может все назад вернуться,
И печали и тревоги
Улетят с моей дороги.

Оглянись же! Сердце просит,
Ветерок слова уносит,
И кричат седые дали:
«Вы кому любовь отдали?»

* * *

Не в силах больше жить,
Себя преодолевая,
И черных больше нет
Ни ночи и ни дня!
В преддверие любви
Войду, как в двери рая,
И влажный запах рос
Окутает меня.

По росам пробегу,
Как в юности, крылата,
Березу обниму,
Оставлю ей печаль,
И расскажу ей все,
Чем я сейчас богата,
Что хочется мне петь
И ничего не жаль.

И пусть она меня
Вовек не понимает,
На этом вот речном
Цветущем берегу
Шепну ей жарко то,
Что, лишь себе внимая,
Я от чужих ушей
И глаз уберегу.

* * *

Месяц, а не день, не два,
Как тебя не вижу я,
И твержу, твержу слова:
«Выдержу и выживу!»

Долго глаз мне не сомкнуть
С памятью непрошеной...
Хоть приснись на пять минут,
Милый мой, хороший мой!

Урушев

* * *

Пусть хотя б на несколько минут
Я твоей мечтою овладею,
Счастьем пусть глаза твои блеснут
И меня проводят, молодея.

Нет, не надо! Вдруг до сердца я
Дотянусь невидимой рукою,
Ведь моей сильнее боль твоя...
Нет, нельзя лишить тебя покоя!

То назад я от тебя бегу,
То себя надеждою питаю,
Все воспоминанья берегу,
Только как забыть тебя – не знаю.

* * *

Опять сегодня, как когда-то,
Гудят во мне колокола,
Опять былая боль утраты
В душе иголкой прошла.

Опять мечты мои далеко,
На том забытом берегу,
И в темные глазницы окон
Я наглядеться не могу.

Смотрю, не брызнет ли в тумане
Один далекий огонек,
Но из туманных очертаний
Привет никто послать не мог.

И в окнах тихо. Даже звезды
Не светят в мгlistой вышине,
И лишь один туманный воздух
Ворвался в форточку ко мне.

И в это самое мгновенье,
Как память дней, которых жаль,
Пусть глаз твоих, как дуновенье,
Коснется тихая печаль.

Заставит вспомнить, словно диво —
В одном далеком далеке
От фонарей ночных красиво
Горели свечи на реке.

ГЛАЗА ЛЮБИМЫЕ

Глаза любимые
Сверкают плесами,
И отражается
В них небо осени.

Глаза любимые –
Глаза далекие,
А мне все кажется:
Вы где-то около.

Без вас и шагу я
Одна не сделаю,
Меня ведете вы
Дорогой смелою.

А потеряю вас –
Я стану вдруг слепа,
Не знаю, где идти,
Не знаю, где тропа.

И перед мукою
Я с вами выстою,
Я с вами сильная,
Я с вами чистая.

Вы улыбаетесь –
Мне тоже радостно,
А вы печалитесь –
Мне тоже тягостно.

Глаза любимые –
Глаза далекие,
А мне все кажется:
Вы где-то около.

ЦВЕТЫ

Цветы... Они нужны, как нежность,
Как вдохновенье, как любовь...
И астр пушистых белоснежность,
И скромность синих васильков...

Увидев их, пройдёшь ли мимо?
Цветком – улыбка на устах.
Недаром дарят их любимым,
Недаром праздники – в цветах!

* * *

Высоко летала
И сладко парила...
В раздумье стою,
Опершись на перила.

И нет у меня
Никакого сомненья:
Чем выше летаешь,
Тем горше паденье.

МОЕЙ РОДИНЕ

Манили южные широты
И зарубежные красоты,
Мы к ним привыкнуть не могли.
Но есть на свете скромный город,
За ним раскинулись просторы
Родимой Харовской земли.

Цвети, земля, и будь свободна.
Из дня прошедшего – в сегодня
Всегда дорога нелегка.
Тропинка, как от сердца вена,
Меня ведёт к родной деревне,
Над ней шумят – бегут века.

Моё родное пепелище.
Здесь и вода и воздух чище
И даже небо голубей.
Здесь всё любимое до боли:
И этот луг, и это поле,
И стайка сизых голубей.

Моя районная держава,
Моё отечество и слава,
И наяву, и в сладком сне
Тобой живу, тебя лелею,
Тебя люблю, тобой болею.
И я в тебе, и ты – во мне!

Угузев

* * *

Посижу на луговине,
С бабками покаю,
Полюбуюсь на картины,
Что вокруг да около.

Пендус, Луг, Дудиха, Плоска –
Всё места знакомые...
Снова детства отголоски
Мне они напомнили.

Дом родной... Но в нём чужие
Судьбы продолжаютя,
Только лица, мне родные,
Больше не встречаются.

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Восток краснеет.
Тишь. Морозно.
Встает из труб упругий дым.
Уж небо растеряло звезды
И стало нежно-голубым.

И ночь пустилась без оглядки...
А следом, разгоняя тень,
Родился и привстал на пятки
С пеленок красный новый день.

БАБЫ

*...Да разве об этом расскажешь –
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..*

М. Исаковский, «Русской женщине»

Бабы, бабы! Когда порою
Попадёшь на их строгий суд,
Все-то косточки перемоют,
Всех-то предков перетрясут!

Бабы, бабы! Вам всё прощаю –
Говорите. А я сейчас
Заварю-ка покрепче чаю
Да с мороза согрею вас.

Новостей я услышу ворох:
Этот умер, женился тот,
Соберёмся опять не скоро –
Ведь работа, она не ждёт!

– Эка дура Смирнова Натка –
Вишь, нашла себе мужика...
– Видно, нет в женихах достатка,
Вдовья доля-то нелегка!

– И за волосы натаскает,
Экой пьяница заводной!
А потом, глядишь, приласкает –
Всё же лучше, чем жить одной!

И судачат себе, судачат,
Забывая минутам счёт,
И пророчат себе удачу,
А удача-то не идёт.

Скажет Анна:

– Вот руки слабы,
Так и ноют в метельный час!
Эх, на отдых нам надо, бабы,
Только кто же заменит нас?

Трудно. Все разлетелись дочки –
Им другие брать рубежи.
Только жизнь не поставит точки,
А бежит себе да бежит.

Вам бы жить не десятки – сотни
Лет. И то не хватило б их...
– Что же, бабы, пора на скотный,
Самовар-от, смотри-ко, стих!

И поклонятся на прощанье
По-привычному, невзначай...
Звонко бьют часы расставанье.
На столе остывает чай.

МАМА

Глаза слезами полнятся.
Бегут-шумят года...
– А помнится, ох, помнится,
Была я молода!..

Начнет-пойдет рассказывать
Про прежнее житье,
Все узелки развязывать –
Все в памяти свое,

Далекое и близкое –
Все было да прошло!
Какой чудесной книжкой
Оно бы стать могло!

Сидим вдвоем.
По комнате
Уже гуляет ночь.
– А помнится, ох, помнится...
Не знаю, чем помочь!

ДОМОЙ

Я давным-давно не была
В снежном и родимом краю.
Сыпкая метель замела
Детскую тропинку мою.

Мама не посмотрит в окно –
На стекле узорчатый лёд,
Солнышко не всходит давно,
Вьюга все метет и метет.

К дому я дорожку торю,
Уж до самых-самых сеней,
Открываю дверь, говорю:
«Мама, принимай-ка гостей!»

Вижу, мать у печки сидит,
Волосы блестят на висках,
Красные угли шевелит,
«Здравствуй», – и упала клюка.

Вместе мы сидим у огня,
Сказываю, как я живу.
Мать зовет в деревню меня,
Я ее все в город зову.

Тяжко это, как не понять! –
Покидать родные края.
Так вот и сидит у огня
Мать моя, старушка моя.

* * *

Я помню, мать меня просила,
Когда мне было лет пятнадцать:
– Ты дерево руби по силе,
А то недолго надорваться!

Но, мудрость эту не усвоя,
Порой к себе теряя жалость,
Бралась за самое большое,
Что на пути мне попадалось.

И падала, и надрывалась,
И плакать часто приходилось,
А мать сердилась, мать ругалась:
– В кого такая уродилась?

И, провожая до вокзала,
Хоть деревенский мир и узок,
Она мудрей меня и знала,
Что в жизни много перегрузок.

А я, о прошлом не жалея,
Не в силах совладать с собою,
Беру все то, что тяжелее,
Беру из жизни только с боем!

И так как день ушедший прожит
Напропалую, без оглядки,
Промчусь по жизни, и, быть может,
Я упаду в неравной схватке.

И скажут люди, умывая
Мое лицо белее мела:
– Чего ж такая молодая?..
– Да жить, наверно, не умела.

В ПОЛЕ

Ну, здравствуй, некошенный луг!
Привет тебе, поле родное!
Какое раздолье вокруг!
Все полно красотой и покоем.

Здесь скромно травинки цветут
И смотрят открыто ромашки,
И через тропинку бегут –
Торопятся с чем-то букашки.

И столько вокруг синевы,
Полднего яркого зноя!
Здесь сразу забудете вы
Все мелкое, чуждое, злое.

Как я, посмотрите в зенит –
Там столько добра и простора,
И песня оттуда звенит
Про что-то свое и простое.

ДЕТСТВО

Сразу выбегу, только одеться.
Мама милая, ты не грусти,
В недалекое синее детство
Ненадолго меня отпусти!

Я хочу подарить всем знакомым,
Все хочу я сквозь жизнь пронести:
И заросшую тропку до дома,
И цветы, что цветут на пути.

Все, что лучшее в жизни, — здесь было,
Все, что светлое, — здесь началось...
Нет, родимая, я не забыла,
Как несладко порою жилось!

Помню все. Только я не про это.
Не смотри же встревоженно ты!
Я — про жаркое-жаркое лето,
Про луга, про девчат, про цветы...

Мне не верится: было ли время,
То, когда и беда — не беда,
И тяжелое бремя — не бремя?..
Но когда это было? Когда?

Было. Помню, когда извещение
С фронта братову смерть принесло.
Этой черной записки значенье —
Нет! — до сердца тогда не дошло!

Ну, не плачь же, я больше не буду!
Перед тем, как отправиться в путь,
Я хочу разузнать, как же люди
Нынче в нашей деревне живут?

– Хорошо,— говоришь? Вот и ладно!
Нынче будет в полях урожай.
Слышу, слышу:
– Хоть пишешь ты складно,
Да почаще домой приезжай!

– Я приеду. Но надо на поезд.
До свиданья!
...По краешку дня
Я иду. И пшеница по пояс
Снова в детство вернула меня.

Урушев

АННА

*Светлой памяти монахини
Анны Боровиковой*

«У сороки боли,
У вороны боли,
А у Нины заживи».

Ту припевку бабушка певала –
Опекала старая меня.
Дров охапку принесет, бывало,
Да присядет около огня.

И расскажет, что на этом месте,
Где наш дом, тут раньше был пустырь,
И о том, что надо б стать невестой,
Да ушла однажды в монастырь.

У нее ни дому и ни лому,
Хорошо, коль люди приютят.
Подчиниться б чувству молодому –
Вот и радость – нянчила б внучат!

Целовала старая икону,
Все молитвы знала назубок,
Подчинялась Божьему закону,
На нее смотрел со стенки Бог.

В этом понимала я не много –
Неоткуда было понимать...
Вот, бывало, схоронюсь за стогом,
И заставлю бабку поискать.

«Ой, куда пропала, озорница,
Ну-ка выдь, пожалуюсь отцу!..»
Но шумела весело пшеница,
И трава металась по лицу.

Ах, родное, милое раздолье
Да рябин дурманный сладкий цвет!..
Только в сердце отзовется болью –
Анны нет! Старушки больше нет!

Было страшно. Было в мире пусто.
Но, оставив здешние дела,
Жизни нерастраченные чувства
Анна щедро мне передала.

ЗАВЕТ

Не забывай слова родные,
К которым с детства ты привык,
Такие добрые, простые –
Родимой местности язык.

Я их в стихи не допускаю –
Понять не каждому дано,
Но долго мысленно ласкаю,
Когда вдруг вспомнится одно.

Ему я радуюсь, как другу,
И принимаю, как завет,
Бегу девчонкою по лугу,
Куда давно дороги нет.

* * *

Последний луч ушел за оаком,
Последний ветер стих на ветках зыбких,
И тишина блаженною улыбкой
Повисла над натруженным селом.

Закат истлел и медленно потух.
И ночь сошла недолгим полумраком.
Вот где-то вдруг залаяла собака
Да чей-то в полночь прокричал петух.

Утихло все до утренней зари.
И первый луч, подкравшийся с востока,
Подсмотрит все своим горящим оком,
Как станут пробуждаться косари.

О наковальни косы застучат.
Проснется скот, захлопают ворота,
И позовет горячая работа
До самого последнего луча.

ПРОЩАНИЕ

Вот опять зазмеился по рельсам,
Разрывая вдали синеву...
Ох, не жди ты меня, не надейся.
Больше я не приеду в Москву!

Пусть прольются слезинками росы,
Пусть растопчет цветы вороной,
Брошу, брошу любовь под колеса,
Светлой тенью пройду стороной.

И тебе улыбнутся девчонки,
Будут звезды смотреться в траву,
Но на самой веселой вечерке
Я веселье твое оборву.

И ты вспомнишь под пенье хмельное
Вологодский далекий вокзал,
Где сидел, как прощался со мною,
Что сказал мне и что не сказал.

* * *

Ухожу и мосты рублю –
Сердцем созданные мосты.
Я все так же тебя люблю,
Так люблю, как не можешь ты.

Ты к такой любви не привык.
Я прощаюсь и ухожу,
И письмо, как последний крик,
Я спокойно в конверт вложу.

Знаю, будешь мосты мостить
В ночь бессонную не одну,
Не смогу я тебе простить
Неосознанную вину.

Урушев

* * *

Нет любви давно,
Но, лишь душу тронь,
Как в костре бревно,
Опалит огонь.

И огнем согрет
Станет ярче свет,
Нет его теплей
И прекрасней нет!

И теперь, мой друг,
Я с собой борюсь:
Погасить боюсь
И разжечь боюсь!

ВЕТЕР

– Ах, какой ты, ветер,
От тебя не скрыться! –
Негодуют ветви,
Негодуют листья.

Но не слышит ветер,
Спорить с ним впустую,
Поднимает ветер
Вьюгу золотую.

* * *

Ах, поезд, поезд!
Обрывки речи
Да мимолетная
Прелесть встречи,

Где – только взглядом,
Да сядешь рядом,
Да скажешь слово –
И выйдешь снова!

А поезд мчится
Все дальше, дальше,
Вагон на рельсах
Танцует вальсы.

СОН

Мы ушли с тобой далеко,
И тропинка бежит в овсах.
Будто белое молоко,
Разлилась по земле роса.

Нас ведет к ручейку тропа –
Он, бессонный, всегда журчит.
Завтра ночью ты будешь спать,
А вот он никогда не спит.

Знаешь, что тебе подарю? –
Пей с ладоней моих облака,
Даже утреннюю зарю
Я тебе принесла в руках!

Что-то хочется мне сказать.
Мы совсем одни у реки.
В душу смотрят твои глаза,
Как осенние васильки.

И горит, горит небосклон,
А навстречу нам – облака...
Мы одни... Это только сон,
Удивительный сон пока.

СНОВИДЕНИЯ

* * *

Я летаю во сне,
В 30 лет я летаю во сне!
Говорят, в этом возрасте
Люди уже не летают,
Лишь бегут и бегут
По песку, по колючей стерне.
Злые силы их там
Неизбежно, как рок, настигают.

Я сначала бегу,
Но такая пора настает,
Когда хищник уж руки простер,
На меня покушаясь,—
Стали крыльями руки мои,
Я рванулась в полет,
И плыву над домами,
Над сворою злой потешаясь.

В сновиденьях ночных
В синем небе я птицей живу.
Если можно — хожу по земле,
Если трудно — летаю.
Не удержишь меня:
Руки вскину и вплавь — в синеву,
И туда полечу,
Где удача меня ожидает.

* * *

Зачем приходишь ты ко мне,
Зачем ночами,
И в этой жуткой тишине
Гремишь ключами?

Ты ходишь в комнате пустой,
А мне – ни звука...
«Постой, постой, – кричу, – постой!
Опять разлука?»

А ты в ответ мне тишину
Со звоном бросишь,
Посмотришь тихо на луну
И снова ходишь.

А я шепчу тебе: «Устал...
Прерви молчанье...»
Но крепко сомкнуты уста
В глазах – прощанье.

* * *

Счастье мое горькое,
Счастье мое слабое,
Горками все, горками,
Горками да ухабами!

Я – на ветру веточка,
Что мне скворцы-щеголи?
Милый, пошли весточку –
Ждать мне тебя долго ли?

Если не спишь ноченьки,
Щеки слезой выбелит,
Станут тускнеть оченьки,
Сердце в золу выболит.

Слушаю я шорохи:
Вдруг постучишь – скажешься.
Если другой – под руку,
Тысячу раз скаешься!

Встреча ли ждет близкая,
Или печаль просится?
Как бы сказать – высказать,
Что на душе копится?

Счастье мое сильное,
Счастье мое слабое...
Я уж теперь вызнала –
Быть тяжело бабою!

* * *

Когда страшит одиночество,
Не радует солнце весеннее,
Есть у меня Творчество,
Это – мое спасение.

Когда жить совсем не хочется
И все вокруг – невезение,
Есть у меня Творчество –
Единственное спасение.

Уруцев

МОИМ СТИХАМ

Сажу над белою страницей,
И чем живу, о том пою.
Мои стихи, мои зарницы,
Вы осветили жизнь мою.

В вас живо всё: и быть, и небыль,
Вы все – души моей лучи:
То сильной вспышкой – в полнеба,
То слабым всполохом в ночи.

* * *

Как мы порой не замечаем,
Что дни бегут. А дни бегут.
И забываем, забываем,
Что где-то наших писем ждут!

С друзьями новый день встречаем,
Страдая, споря и любя,
И жизни той не представляем,
Когда никто не ждет тебя!

* * *

А на крыше дожди, дожди
Заплетают свой переплет,
Говорят мне: «Не жди, не жди,
Не приедет и не придет...»

Ты открой мне такой секрет:
Как решать мне мои дела?
Если писем все нет и нет,
Значит, память уже ушла.

Не приедешь и не приедешь.
И выходит: живи сама.
А на улице снег и дождь –
Значит, скоро уже зима.

* * *

Поговорили. Объяснились.
Я жду: вот-вот ко мне придешь,
Чего ты ждешь, скажи на милость?
Ну объясни, чего ты ждешь?

Какие песни напевает
Тебе ночная тишина?
Спроси ее – она-то знает,
Что я одна. Всегда одна.

Не потому; что мне негоже
Жить и волнуясь, и любя,
А потому, что нет дороже
Такого милого – Тебя!

Таких, как ты, совсем немного:
Всего один – на всю страну.
Прошу: найди ко мне дорогу,
Из всех дорог – всего одну!

* * *

Что, если на Земле Тебя не будет?
Что, если на Земле Тебя не будет?
Умолкнут птицы в знойном поднебесье.
Черемухи весной не расцветут.
И в мире будет пусто и мертво –
Не для меня все будет в мире этом.
Предательски снежинки закружатся,
Напоминая, как с тобою в гости
Бежали мы... И так же мягко
Все падали и падали снежинки
На кудри непокорные твои...

Мне надо сделать всё,
Чтоб жил ты в мире!

* * *

Вещь как будто простая,
Только – чудное чудо! –
Подойдешь – и растаю,
И упреков не будет!

А ведь сколько копила
Всяких колких словечек,
Их язвительной силой
Свою душу калеча!

Подошел – закипело,
Зашумело ручьями,
Что-то звонко запело,
Заиграло лучами.

Стало небушко выше,
Стало жить интересно...
Почему ты не слышишь
Эту чудную песню?

* * *

Я тебе принесла весну.
Ты не чувствуешь – ты продрог.
Видишь – солнечный луч блеснул,
Лишь вступила я на порог!

Ты почувствуй ее красу –
Станет жизнь тебе дорога,
В лето жаркое унесу,
В зноем пахнувшие луга,

Где всю ночь говорят ручьи,
Где, как шелк, холодит трава,
Росы там и руки мои
И чудесные там слова!

* * *

Весна распахнула окошко мое —
Свободная птица!
Она ручейком мне на ухо поет
И в сердце стучится.

А сердце давно уж готово принять
Приятную новость,
На все, что угодно: от счастья плясать
И плакать готово!

ПОГАДАЙ МНЕ, ЦЫГАНКА!

Я не верю гаданьям,
Вещим снам, предсказаньям...
Погадай мне, цыганка!
Перед правдой не струшу,
Успокой мою душу,
Погадай мне, цыганка!

Может, ты нагадаешь,
Что его ожидает
Дорогая дорога,
Будет он в моем доме,
Мой крестовый знакомый...
Нагадай, ради Бога!

Пусть все будет, как прежде,
Дай хоть пищу надежде,
Сердцу бедному – радость,
Мое платье простое
И кольцо золотое
Тебе будет наградой.

А я буду, как прежде,
Жить счастливой надеждой –
Нет ценнее подарка!
Мне сейчас мало значит,
Что все будет иначе...
Погадай мне, цыганка!

МУЗЫКА

Когда сижу я в комнате одна,
Одна, свободна от мирских оков,
Чужие, неземные письма
Прольются сверху строчками стихов.

Я разгадать стараюсь каждый слог,
Созвучья непонятные ловлю,
Напев их многозвучен и высок –
Я музыку высокую люблю.

Сегодня пусть к стихам душа не льнет,
Но знаю – песня где-то в вышине.
А значит, вновь мелодия придет,
Чтобы побыть со мной наедине.

Угузев

СОЛОВЕЙ

Вы так влюбленно посмотрели –
И вновь весна в душе моей.
И вновь насвистывает трели
Мой развеселый соловей!

Один Ваш взгляд – ему спасенье.
Ужель прошел мой черный день?
Сегодня радостно, весенне,
И соловью свистеть не лень.

Ко мне весна приходит редко,
И потому прошу Вас я:
Не запирайте снова в клетку
Мое веселье – соловья.

ОБЛАКО

Какое облако плывет
В небесном блюде:
То белый кот, раскрывши рот,
То серый пудель,

То словно сизых птицы две
(Скажи на милость!)
Поплыли в ясной синеве
И растворились.

То ветер тучку пронесет
В небесной чаше...
Изменчиво в природе все.
Как в жизни нашей.

* * *

Утром было тихо и тепло,
Из-за леса солнышко всходило.
Птица вдруг ударилась в стекло.
Неужели, бедная, разбилась?

И пока стояла птичья звень,
Я с тоской глядела людям в лица.
Было страшно в этот красный день
За себя, за ближних и за птицу.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Как тепло! И ночи дивные!
Все утихло. Ветры спят.
Потемнела леса линия,
А над ней горит закат.

Вдалеке мелькает платье,
Слышен шёпот за кустом,
И луна по небу катится
Золоченым колесом.

АВГУСТ

Глубокая таинственная ночь
Легла на отсыревшую дорогу,
И ветерок ушел куда-то прочь,
И только свежесть веет понемногу.

Ничем не потревожит тишина,
И сон окутал все дела земные,
Но вот большая круглая луна
Вдруг осветила призраки ночные.

Неясная искрящаяся медь
Ржаное поле все позолотила.
Здесь только сердце может разуть
Во всем большую дремлющую силу.

* * *

Моя холодная заря,
Какую предвещаешь осень,
Ужели скрылась неба просинь,
И скоро время сентября?

Но это будет. А пока
Я жду хорошую погоду,
И в эту медленную воду
Заглядывают облака.

Уруцев

НЕ НАДО ПЕЧАЛИ!

Все солнцем согрето.
Нескоро морозы.
И бабьего лета
Летают стрекозы.

Тепло и прохлада,
Грудь дышит глубоко.
У ближнего сада
Хлопочет сорока.

Но что так тревожно
Грачи закричали?
Печаль невозможна!
Не надо печали!

ОСЕННЕЕ

О, неужели, неужели
Вся жизнь вот так и будет литься,
Хоть наши чувства отгорели,
Как эти медленные листья?

А на душе свежо и мглисто.
Воспоминанья, как в тумане,
По ним, как по опавшим листьям,
Осенний
Дождик
Барабанит.

СНЕГ

Выхожу я на рассвете
За водою свежую.
Все дома поймали в сети,
Всех людей поймали в сети
Паутинки снежные.

Вижу чудо: через сети
Побежали в школу дети,
Люди удаляются –
Сети раздвигаются.

Стали улицы седыми,
Но как будто молодыми –
Светлыми и нежными,
Все окутано не дымом –
Лепестками снежными.

* * *

Выйди на воздух морозный
Ранней рассветной порою,
В час, когда поздние звезды
С утренней спорят зарею.

Как далеко, посмотри ты,
Провода льются полоски,
И позолотой облиты
Белые кудри березки.

Стройные модницы-ели
Зелены, словно весною,
Белые шапки надели,
Ветви накрыв бахромою.

Ветер морозом подышит,
Чтоб на тебя подивиться.
Щеки пожаром запышут.
Иней украсит ресницы.

БЕРЕЗКА

Стройна и легка и наивна
Стоит на речном берегу,
Как тоненькая балерина –
Березка в глубоком снегу.

И кажется: дунет лишь ветер
И вслед за собой позовет –
Вдруг по полю, как по паркету,
Березка легко поплывет.

Пронизана солнечным светом,
В коротеньком платье своем.
Тончайшее кружево веток
Природа сплела для нее.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

В новогоднюю ночь
Пред тобою в долгу:
Ни понять, ни помочь –
Ничего не могу!

А чего понимать?
Все ясней и ясней,
Что вдвоем помолчать
Очень хочется мне.

Если б рядом ты был –
Это смысл мой и суть –
Ты бы сердцем светил
Мой завьюженный путь.

Но кругом тишина...
Как снежинкам расцвечь?
И приносит волна
Новогоднюю весть...

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Зима еще не ставит точки,
И видит утренние сны,
Но чувствуется в каждой почке
Рожденье жизни и весны.

Хоть ветер свеж, но влагой дышит,
И потеплевший, южный он
И ветви трепетно колышет,
И отмечает зимний сон.

АПРЕЛЬ

Хитер апрель: теплом поманит,
Румяный солнца каравай
В окошко весело заглянет –
Хоть в легком платье выбегай!

В нем манит все: и серый камень,
И темный снег, и синь небес.
Он разольется ручейками,
Ласкаясь, под ноги тебе.

Не только первому не верьте –
И весь он хитрый, весь он лжет,
Из-за угла холодный ветер
Вдруг зимней стужей обожжет.

И по ночам все с той же стужей
Зима проходит напролом
И так скует и снег, и лужи,
Что не разрубишь топором.

Но осуждать апрель не надо –
Он ручейками говорит.
Зима покуда ждет пощады,
Да не дождется – вся сгорит!

* * *

Все труднее дорога назад,
Все тесней замыкается круг...
Я так много хочу рассказать
О себе, мой единственный друг.

Так давай соберемся в тиши
Да у печки вдвоем посидим,
В сокровенные тайны души
Мы друг друга давай посвятим.

Да посмотрим, как угли, шурша,
Превращаются в пепел седой...
Потихоньку отгадет душа,
Станет снова совсем молодой.

И наступит тогда тишина.
Только руки друг друга найдут,
Будут нежно звучать имена
И слова, что из сердца взойдут.

СПАСИБО!

Разреши мне влюбиться в тебя –
Я хочу напоследок влюбиться.
Ни тебя, ни себя не губя,
Я смогу и уйти, и проститься.

Ах, как сладко с тобою молчать
И ловить эти теплые волны,
Мою легкую лодку качать
И дышать глубоко и привольно.

И хотя недалек берег твой,
Я не стану искать к нему тропку.
Ты мне в душу плесни синевой –
Заночую я в облаке легком.

А наутро на землю слечу
Так свободно, легко и счастливо.
Дорогой, я молчу, я молчу.
И за это молчанье – спасибо!

* * *

Теперь, когда много покоя,
(Настала такая пора!)
Бывает, настигнет бывшее
И спать не дает до утра.

И что это сердце так радо –
Я, право, не знаю сама,
Ведь было-то несколько взглядов
Да три откровенных письма!

Из старых бумаг извлекаю
Я чуть пожелтевший конверт
И будто бы с пылью сметаю
Десяток уж прожитых лет.

И строчки, забытые строчки,
Взорвав покой, и уют,
Меня настигают и точки
Поставить никак не дают.

Как в пору мою молодую
Сошло вдохновенье само,
И мысленно в даль дорогую
Пишу золотое письмо,

Как там, в моей жизни усталой,
На трудном ее рубеже
Так тихо и так запоздало
Душа постучалась к душе.

* * *

Юрию Малоземову

В природе весенняя нега.
Сбежали в канавы ручьи.
Деревья очнулись от снега
И точат побеги свои.

С еще необжитого поля
Грачиный доносится грай.
Гуляй же, весенняя воля!
Ты, жизнь молодая, играй!

Мне хочется трудно иль праздно
У неба занять высоты,
У поля – проснувшейся жажды,
У юности – светлой мечты!

* * *

Как весна проснулась рано!
Солнце греет. Небо ясно.
И черемуха, очнувшись,
Расцвела на Первомае.
...Ветры с севера подули,
И снежком припорошило,
И траву, и тротуары...
А соседка – ах, соседка! –
Сверху вылила на ветку –
На цветущую на ветку! –
Воду грязную с балкона.
Ветка вдруг обледенела,
И на ней повисло много
Грязных маленьких сосуллек...
Ах, соседка!

НОВЫЕ ЛИСТЬЯ

Виктору Плотникову

От слабого ветра
Легко и обильно
Проходим под ноги
Листва облетает.
Смешается с грязью,
Покроется пылью
Осеннего леса
Краса золотая.

В прощальном тепле
Отогревшись, щемяще
Живая душа
Отзовется невольно,
И от ошущенья,
Что все преходяще,
Становится грустно,
Становится больно.

Но верую я –
Катастрофы не будет,
И пусть эта вера
Навечно со мною, –
Что новые листья
И новые люди
Украсят природу
Грядущей весною.

* * *

Мне говорят: «Унынье – грех».
Но, Боже мой, какие силы
Душе помогут взмыться вверх,
Когда вокруг все так уныло?

И я одна среди бумаг,
И в темноту уходят тени
Моих надежд,
И всюду мрак,
И студит душу
Дождь осенний.

* * *

Опять я думала – дорога,
А снова вышло – перекресток,
Мне в жизни надо так немного,
Но это малое – непросто!

Я СТРОЮ ДОМ

Я на песке сыпучем строю дом
И все мечтаю: заживу я в нем!
Да только вот внезапно поняла,
Что строить дом я с крыши начала,
Что мир зыбуч
Да и песок сыпуч...
Лишь светлый луч
Сияет между туч!

ДРУЗЬЯМ

Мои друзья со мною всюду:
Меня ведут, во мне живут,
И верю, что из прозы буден
На общий праздник позовут.

Нет, нас не разольешь водою,
И годы нас не разлучат...
Когда друзья мои со мною,
Лихие недруги молчат!

ГДЕ ВЫ?

Как частушек распевы
Вечерком хороши!
Где вы, девушки, где вы?
Всем хоть письма – пиши!

Стало вдруг одиноко
Средь задумчивых строк,
Заколоченных окон
И заброшенных троп,

Где до зорьки бродили
Мы по росной траве,
А теперь вы в Сибири,
На Алтае, в Москве...

Прохожу я деревней,
Но безмолвна она,
И, пугая, в ней дремлет
Тишина... тишина...

У родимого крова
Только слышно в ночи:
Гулко «мыкнет» корова,
Да петух прокричит.

Как бывало, частушки
Не звучат у реки...
Где вы, где вы, подружки,
Где же вы, пареньки?

ЗВОНОК ИЗ ЮНОСТИ

Здравствуй, Рита Щербакова!
Как из юности привет,
Голос твой я слышу снова
Через сорок с лишним лет!

...Снова я сажу за партой
И историю зубрю,
Города ищу на карте
И с тобою говорю.

Снова памятью вернулась
В наши милые края...
Здравствуй, Рита! Здравствуй, юность!
Здравствуй, Пундуга моя!

НОВЫЙ ИСТОЧНИК

Когда заболеем, когда заскучаем,
Мы с радостью едем в любую погоду
Сюда, где от всех неудач исцеляет
Живая вода и живая природа.

Припев:

И точно, и знаем мы точно,
Что нам будет трудно с тобою расстаться,
Источник, ты – светлый источник
И нашей надежды, и нашего счастья,

Мы тайные мысли доверим друг другу,
Надышимся вволю мы воздухом хвойным,
Любимые песни споём на досуге,
И станет нам снова легко и спокойно.

Припев.

Идут дни за днями. Закончится сказка,
Но в сердце надолго останется с нами
И будет звучать, как недолгая ласка,
То словом, то песней, друзей голосами.

Припев.

* * *

У каждого – своя пята:
Моя соседка – попрошайка.
А та – на руку нечиста.
А эта – слову не хозяйка.

Вон тот напился, как свинья,
А этот скуп, а тот повеса...
Пята у каждого своя,
Примерно, как у Ахиллеса.

* * *

Что случилось с душами людскими?
Стало меньше светлых огоньков.
Близкие становятся чужими.
Люди превращаются в волков.

Я друзей стихами не пугаю
И тревожных песен не пою...
...Что, как вдруг нагрянет волчья стая
Прямо в душу нежную твою?

БАРДАК

Бардак в умах,
Бардак в делах,
Бардак в сумах.

Бардак в суде,
Бардак в еде,
Бардак везде...

В душе бардак.
...А жить-то как?

Урушев

ПАМЯТИ КОТА РЫЖИКА

Открываю настежь двери –
Всё душа не хочет верить,
Что теперь на целом свете
Не найти тебя, не встретить,
И одна средь стен и книжек
Всё шепчу я: «Рыжик, Рыжик!...»
И ищу по белу свету
Я того, кого уж нету.

КРЫША

Николаю Рубцову

Мы были бездомными, Коля,
Но словно родная семья,
И те, кто не знал этой доли,
К нам не набивались в друзья.

Все вместе ходили мы к Неле –
В семейный налаженный быт,
А после брели еле-еле
В общагу меня проводить.

Сказал разволнованный Чухин,
Нашедший у бабки приют:
– Вот ходят какие-то слухи,
Что нам по квартире дают!

И ты усмехнулся, невесел,
Прервав размышления нить:
– Сережа и уши развесил.
Ключи не забудь получить!

А годы неслись молодые,
И были с тобою друзья
Такие простые, земные,
Как Неля, Сережа и я.

Мы долго скитались по свету.
Пожил ты в квартире своей
Всего только годик – до смерти,
А я в комнатухе – поздней.

Урушев

Спрошу я у Господа Бога,
За душу себя теребя:
Откуда сегодня так много
Друзей развелось у тебя?

И пишут, и пишут, и пишут,
И хвастают, совести нет,
А дали бы вовремя крышу –
И жил бы великий поэт!

У ПАМЯТНИКА РУБЦОВУ

Ты жил, как Бог, без хлеба и без крыши.
Любой приют – твой временный причал.
Ты говорил – народ тебя не слышал,
Народ других провидцев привечал.

...Давно звенит твое святое имя:
И все, твоей причастные судьбе, –
Провидцы – оказались вдруг слепыми...
О, как они завидуют тебе!

ДРУГ

Сергею Чухину

– Неплохи дела у нас, Сережа,
Видишь, Яшин тоже обласкал! –
И пошире кажется дорога,
И повыше вроде облака.

Мы идем, утешенные взглядом,
Словом ободренные, идем...
И везде-то мы с тобою рядом,
И всегда-то мы с тобой вдвоем!

Не беда, что, обещанья давши,
Яшин скоро позабудет их.
На двоих нам неудачи наши
И удачи – тоже на двоих!

На двоих нам легче жизни ноша.
Нас с тобою не разъединить.
Ты – мой друг – не меньше и не больше.
Разве может что-то больше быть!

Да, любовь... Но мы других любили.
Это уж из оперы другой.–
Там и встречи, и разлуки были,
Это правда, друг мой дорогой!

День листом осенним отлетает –
Не принес с собою ничего...
Как тебя сегодня не хватает –
Истинного друга моего!

* * *

Сергею Чухину

Почему мне одной
В этой комнате тесно,
Хоть просторна она,
Будто весь белый свет?
Все звучат и звучат
Приглушенные песни,
Кто-то должен прийти,
Но кого-то все нет.

Мне бы просто уснуть,
Мне бы просто растаять
И уйти от всего,
Что тревожит меня,
Но летят и летят
Журавлиные стаи,
Мне тревожные окна
О чем-то звенят.

А родной небосвод
Облаками весь выстлан.
Ни к чему мне уют,
Если нет в нем тебя!
И качает прилив
Мою тихую пристань,
И гудки пароходов
Призывно трубят.

И летят журавли
В край далекий и южный –
Все к теплу,
Только мне оставляя пургу.
Мне не надо тепла,
Ничего мне не нужно,
Только дайте мне песню –
Без нее не могу!

ВОСКРЕСЕНИЕ

Моя отвергнутая муза
Скиталась по родной земле.
Была она – не «член Союза»,
Но наступил конец зиме.

И то, что в закромах лежало,
И что от сглаза береглось,
Вдруг хлынуло водою талой
На скатерть белую полос.

И строки в жизнь вошли, ликуя,
И отлетело воронье.
Я приняла любовь людскую
Как воскресение мое!

ИЛЬЕ СЕЛЬВИНСКОМУ

Загадочен мир интуиций –
Ты очень поверил в мою,
Сравнив меня с певчею птицей,
Летащей к родному жилью:

«Как выверен взмах ее крыльев,
Как легок и точен полет,
И кажется, что без усилия
Она свою песню поет.

И радость, и боль в этой песне,
Прислушайся к ней, не дыша,
Шагая тропинкою вешней..
И вся истомится душа!»

Укуджава

БУЛАТУ ОКУДЖАВЕ

*Допеты все песни – и точка.
И хватает, и хватает о том.
Быть может, какая-то строчка
Осталась еще за бортом,*

Б. Окуджава

Не все еще песни пропеты.
Не все еще сказано, нет!
Бессмертные дети – поэты.
Вы – именем Бога поэт.

Кружатся, кружатся колеса,
Но в сторону им не свернуть.
А Вам слишком рано – с откоса,
Вы свой продолжаете путь.

Не ставьте, пожалуйста, точку,
Так много еще за бортом,
И там Ваша Главная строчка –
Ее не забудут потом!

КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ

Привет Кулиеву Кайсыну –
Кавказских гор большому сыну
От наших северных лесов,
От звонких птичьих голосов
И от моих полей родных,
Поскольку нет меня без них!

Уруцев

ТАТЬЯНЕ ВОЛОТОВСКОЙ

Пролетело сорок пять
Быстро, без оглядки.
Вот и стала ты опять
Ягодкою сладкой!

Ну и пусть идут года –
Нам-то что за дело!
Только надо, чтоб всегда
Ягодка алела!

АРИАДНЕ

До чего нам светло и отрадно,
Между нами, друзья, говоря,
Что у нас родилась Ариадна,
По преданию, дочка царя.

С этих пор мы овеяны славой,
Той, что рядом мы с нею живём,
Очень мягкой, немного лукавой
И прекрасной в обличье своём.

И сегодня, как верного друга,
Мы посадим её на престол –
В центре нашего славного круга,
За уставленный яствами стол.

Каждый скажет о ней очень складно,
Что красива она и умна.
Будь здорова, душа – Ариадна,
Будь же счастлива – мать и жена!

И настанет тот день долгожданный:
К свету выведет нас, наконец,
Путеводная нить Ариадны
И её лучезарный венец!

Уруцев

ВАДИМУ ДЕМЕНТЬЕВУ

Ты подарил мне оконце в весну,
И на душе зажурчали ручьи.
Луч из-за леса так ярко блеснул.
Хлынуло солнце в покои мои.

Зимнему царству приходит конец.
Скоро капель будет праздновать бал.
Ты мне сегодня, как ранний скворец,
В зимнюю вьюгу весну прокричал.

ГЕННАДИЮ КОРОТАЕВУ

Благодарю тебя, мой друг!
Ты подарил мне бор сосновый
И воздух, чистый и здоровый,
И этот первозданный луг.

Какая тихая краса!
Тебе я благодарна очень
За то, что я с утра до ночи
Здесь слышу птичьи голоса.

И ярок свет, и зелен лист.
Без пастуха гуляют козы,
И средь лужайки три березы,
Как три сестренки, обнялись.

У. Рубцов

ДОМАШНЯЯ

Кто к Рубцову, кто к Яшину,
Только я – никуда...
Я такая домашняя,
Как судак в неводах!..

На стене – фотографии...
Как мы были дружны!
Мне теперь одомашнивать
Все четыре стены.

Только мне, одомашненной,
Больше выхода нет...
И Рубцову, и Яшину
Посылаю привет!

НАЧАЛО ОСЕНИ

Уж стали прохладнее ночи
И дни уж не так высоки,
Еще незаметная осень
Твои отмечает виски.

В ней много грядущей печали
И всякого много добра.
Она – и раздумий начало,
Плодов и итогов пора.

И так хорошо окунуться
В прохладное это тепло,
Покуда ветра не проснутся
И листьев еще не снесло.

Угрюмов

* * *

Уж ночь давно, а все не спится.
Какие мне вершить дела?
Бумаги чистая страница
На стол передо мной легла.

И я, желая разрешиться,
Чтоб все увидеть наяву,
Бумаги белую страницу
Своим спасителем зову.

Я ей одной хочу поведать
Всю горечь дней моих и мук.
О, что мне слава, что победа,
Коль есть такой надежный друг!

* * *

Стихи нечаянно придут
И растревожат, обожгут,
И уведут от всех болезней.
Не знаю, явятся ли вновь.
Они приходят, как любовь,
Что кажется всегда последней.

* * *

Меняет время очертанья
И наших лиц, и наших душ...
Одни всю жизнь идут к познанию,
Другие – ловят жирный куш.

Во дни суровых испытаний
Не дремлет алчное ворье –
Ему не надо лишних знаний...
В итоге: каждому – свое!

ЖЕНЩИНАМ-ПОЭТАМ

*«По крайности, есть у поэта
И косы, и тучка, и век золотой...»*

А. Блок

Вас ограничивала жизнь
Земным пределом,
А вы отважно занялись
Неженским делом.

Среди забот, трудов, обид,
За всей текучкой
Как успевали вы следить
За малой тучкой?

В глаза злословили враги,
Смеялись хамы,
Вы ж выпекали пироги,
Полив стихами.

Вы есть во всех земных делах,
За все в ответе,
Стихи же – на вторых ролях,
На первых – дети.

Так постарайтесь сохранить
Детей духовных,
А вдруг окажется они
Живучей кровных!

Угузев

* * *

Я устаю от прокламаций,
От истерических певиц.
И от рекламных информационных,
И от разнузданных девиц...

А как прекрасно отключиться
И насладиться тем сполна,
Как время быстрое струится
И что-то шепчет тишина.

* * *

...А память, сдернув покрывало,
Вдруг обнажит бывшие дни...
Моментов светлых было мало,
Но тем и дороги они.

* * *

Просыпайся! И свободно
Глянь, каким ты стал с утра.
Человек живет сегодня,
А не завтра, не вчера.

Где вчерашние печали,
Боль, что трудно превозмочь?
Все на темном покрывале
Унесла с собою ночь.

У КРАЯ

И если кто-то вдруг
Кромсает жизнь твою,
И если предал друг
У бездны на краю,—

Все силы собери,
Чтоб выстоять в борьбе,
И сам себе не ври —
Есть мужество в тебе!

Предателя гони,
Ведь он предаст еще,
А другу подверни
Надежное плечо.

...А впереди все мрак —
Ни свечки, ни звезды...
Но если даже так,—
Иди, ищи и жди!

И верь: благая весть
Придет наверняка,
Что в этом мире есть
Надежная рука.

Угрюмов

* * *

И жизнь – права, и смерть – права.
Мы все в свои уходим сроки.
Все правы... И мои слова
Пусть не покажутся жестоки.

И мы не ведаем пока:
Жить будем мало или много.
Всем правит Высшая Рука,
И всем намечена дорога.

НАСТРОЕНИЕ

Да, жизнь моя была жестка:
Мело, студило.
Напала смертная тоска
О том, что было.

Как память тех далеких дней
Болит, тревожит,
И предъявляет иски мне,
И всё итожит.

Идут, мелькают в тишине
Родные лица,
Но невозможно с ними мне
Наговориться.

И невозможно их обнять.
И сжать до хруста...
Мне эту истину понять
Сегодня грустно.

В какой далекой стороне
Не спят ночами?..
Они – со мной. Они – во мне.
В моей печали.

Когда на скорбную черту
Ступлю – не знаю,–
Просить прощения сочту
И всех прощаю.

Январь 2000 г.

* * *

Как лист сорвется
С осенней ветки,
За ним – другие, –
Уходят люди
Сначала – редко,
Потом – все чаще
В миры иные.

...И снова осень.
И лист багряный
Опять кружится
Легко и плавно...
Друзья уходят,
И с каждым – жизни
Моей частица
Уходит в Тайну.

* * *

Александр Цыганову

В часы, когда природа дремлет,
И ты один в тиши вечерней,
Остановись, послушай Время.
И ощути его течение...
Такими тихими часами
Я думаю: что будет с нами?..

Уруцев

*ВСТРЕЧА НОВОГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ*

Новогодняя ночь
Пахнет елью и снегом.
Позади у меня
Целых тысяча лет.
Льется в душу мою
И с деревьев, и с неба
Серебристо-зеленый
Мерцающий свет.

В этот час вспоминаю
О давнем и милом...
И уже от волненья
Горит голова.
Тесно в клетке душе.
Воспаря над миром,
Тихо шепчет она
Неземные слова.

*31 декабря 2000–
1 января 2001 года*

* * *

Были радости, невзгоды...
Но, пока стремились ввысь,
Пролетели быстро годы,
Как на тройке пронеслись.

Время, друг, не остановишь...
Спим иль бодрствуем пока –
Всё течет, напрасно ловишь,
Всё по капле: кап да кап...

Угрюмов

* * *

Отрещал январь, и март растаял.
И душисто лето отцвело,
К югу повернули птичьи стаи,
Вновь деревья снегом замело.
Год как день прошел.
Но повторится!
Пусть подольше это чудо длится.

КАК ЛЕТИТ ВРЕМЯ!

Новогодние дни
Отшумели, отпели.
Новый век натянул
Золоченое стремя.
Десять святочных дней,
Как снежинки, слетели,
Утонули в реке
Под названием Время.

Так же быстро
И снежный февраль отметелит.
Отшумят, отжурчат
Шаловливые воды.
Отзвенит это чудное
Время капли,
И начнется опять
Обновленье природы.

Всё вернется, вернется:
Лугов ароматы,
Звуки лета
И вечные краски заката...
Не вернется лишь то,
Что так в памяти свято,
Не вернутся лишь те,
Что ушли без возврата...

21 января 2001 г.

ЧАСЫ ПЕСОЧНЫЕ

О, жизнь моя,— часы песочные,
Во всех веках необходимые,
Такие хрупкие, неточные,
Но, как и жизнь, неумолимые!

Средь мира бодрствующе-спящего,
Средь суеты и сора пошлого
Шуршат песчинки настоящего,
Спешат из будущего — в прошлое.

...И день зарею начинается
Такой роскошной и волнующей...
Песчинки верхние кончаются...
А сколько там песчинок — в будущем?

1 сентября 2000 г.

ПРОШЕДШЕЕ

Мне кажется, я так давно живу!
А жизнь летит, летит, не устая.
Прошедшее я вижу наяву,
А в нем – моя кибитка кочевая.

Она светло летит через года,
Она уже не знает расстоянья,
Мелькают лица, села, города,
События и встречи, и прощанья...

Я так свое прошедшее люблю!
И знаю все: кто друг, а кто предатель.
Я отблески мгновений в нем ловлю
Почти как посторонний наблюдатель.

Ты моего прошедшего не тронь,
Не смей входить в него, не зная страха!
В нем есть всегда величественный трон,
И слава, и забвение, и плаха.

4 июля 2000 г.

* * *

Однажды я стану остывшей планетой.
Умолкнут гудки, тишиною звеня,
Все бури земные, земные приметы
Не будут, мой милый, касаться меня.

И есть от раскаянья верное средство –
Найти оправданье сгоревшей судьбе:
Оставлю и я небольшое наследство –
Я людям оставлю стихи о тебе.

Опять без тебя день сегодняшний начат,
И тянутся годы, о встрече скорбя...
Другая девчонка украдкой поплачет
О том, как я грустно любила тебя.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Италмаз НУРЫЕВ

ДЖОРАЕВУ

*«Имя, национальность, военный чин
неизвестны, фамилия Джораев...»*

Из надписи на братской
могиле в Белгороде

Я да вечный огонь у могильной плиты.
Ночь с дежурством расстаться не может.
«Слушай, вечный огонь, что же думаешь ты?
Что тебя так все время тревожит?»

Я стою. Я подвинулся ближе к огню,—
Стало больше печального света,
И истории старой страницу одну
Он мне эту ночью поведал.

«Я горю и не гасну ни в бурю, ни в дождь,
Что же дало мне право такое?
Если чувствуешь сердцем — ты тоже поймешь:
Не огонь я, а нечто другое.

Помню Белгород. Пули свистят, словно дождь,
И солдатам порой не подняться,
Но твердили врагу: «Все равно не пройдешь,
Пока живы, мы будем держаться!»

По-геройски сражались они до конца,
Сохранили походное знамя,
Но в атаке сожгли молодые сердца...
Я — сердце их нетленное пламя».

Так стою я, подавшись немного вперед.
Скоро ночь постепенно растает.
Тут история мудрая слово берет,
Золотые страницы листая:

«Они храбрыми были в тот памятный день,
Честь ценили они больше жизни.
На странице моей словно черная тень –
Они пали в тот день за Отчизну.

Я Джораева помню, и всех, кто там был...
Все они – мои славные дети.
Я спросила его: «Как зовут? Где ты жил?»
Но джигит ничего не ответил.

Я спросила: «Как имя отца твоего?»
«Джора» – тихо в ответ прозвучало.
Больше он не успел мне сказать ничего,
Его тело на землю упало».

А по небу проходят, резвясь, облака.
Снег холодный все сыплет и сыплет.
Я стою у могилы, как возле древка...
И сверлят мою голову мысли.

«Джора, Джора... Джораев... Быть может, земляк?..
Может, воду он пил из Лебаба,
Может быть, мы один с ним курили табак
И гоняли волну на Мургабе?

Чей он родом? Неважно. Он просто герой! –
Так стоял я и думал глубоко,
В ту минуту мелодия песни простой
Донеслась до меня издалека:

«Запиши же слова этой песни, поэт,
Распевай эту песню повсюду,

И любовью народной ты будешь согрет,
Люди песню твою не забудут.

Из пробитой груди родилась я на свет,
Еще сердце пробитое билось...
И запомни, поэт, нужно песню запеть,
Если песня на свет появилась...»

Разгораясь зарею, приходит рассвет.
Залил свет и могилу, и крыши.
Я да вечный огонь. Никого с нами нет,
Только память о братьях погибших.

(Перевод с туркменского)

Олег ОРАЧ

ЧУМАКИ

Дорогой маме

Где кончается путь,
по которому шли чумаки?
Где же эти волы, сыты и крутороги?
Чумаки, чумаки, где вы, дети мои,
По каким разлетелись дорогам?

Ох, и что там за степь?
И какая земля?
Что с нее все бегут – непонятно.
Чумаки, чумаки, вы, родные мои,
Я прошу вас – вернитесь обратно.

Я нагреею воды,
Вам помою чубы.
Накормлю вас родимую пищей.
Чумаки, чумаки, голубочки мои,
Ой, вернитесь в родное жилище.

Наша хата стара, по колено в земле,
А соседи обдергали стреху.
Чумаки, чумаки, дорогие мои,
Ой, вернитесь же нам на утеху!

(Перевод с украинского)

Владимир ПИДПАЛЫЙ

СТАРЫЙ АИСТ

Отлопатил тысячи миль.
Отмахал...
А когда не стало
В глазах – зоркости, в крыльях – сил,
Приземлился куда попало...

Переждал...
А минула ночь,
Осмотрелся, не смог поверить,
И метровкой битых ног
Украину принялся мерить...

(Перевод с украинского)

Угрюмов

Владимир ПИДПАЛЫЙ

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Свой стиль в рассвете, свой высокий дух.
Чуть слышно дышит свежая прохлада.
Деревья, словно демоны, в саду,
А огородный запах свеж и сладок.

Роса ли капнет – и пробудит тишь,
Заря ль займется, словно удивленье,
Заплачет ли калитка – подхвати
Земной аккорд людского пробужденья.

(Перевод с украинского)

Аман АШИРОВ

ДИАЛОГ С МОРЕМ

- Почему бушуешь, море?
- Не могу я жить без песен.
- Почему ломаешь берег?
- Этот мир мне очень тесен.

- Почему так воет ветер?
- Я с ним дружбу не нарушу,
Так поет свои он песни,
Что мою волнует душу.

- Как поэт, поешь ты песни
О свободе, о просторе...
- Быть поэтом очень трудно,
Я всего лишь только море.

(Перевод с туркменского)

Назир ХУБИЕВ

ПРИДИ

Уходит ночь за горные хребты,
Усталый ветер спать прилег в саду,
Под кленами, что так любила ты,
Я вновь и вновь тебя напрасно жду,
Приди.

Орел могучий в утренней тиши,
Крылом касаясь розовой зари,
Навстречу дню грядущему спешит...
Хотя б одно свиданье подари,
Приди...

Вот скачет всадник к дому своему,
Седые к небу тянутся дымки,
Пойми же ты, мне зябко одному,
Я так хочу в руке – твоей руки,
Приди...

Вот солнце поднялось, прогнало дым,
Цветы целует и тепло дарит...
Мы на Эльбрусе вместе посидим,
Он от тюльпанов весь огнем горит,
Приди, приди, приди...

(Перевод с карачаевского)

Назир ХУБИЕВ

ТОСКА

Как часто, говорят, я зеркало беру
И на себя смотрю я неотступным взором,
Внимание к себе такое не к добру –
Оно у нас в горах считается позором.

Любимый старший брат мой не пришел с войны,
Ворвались в наш аул враги остервенело,
И карточку его сорвали со стены.
И бросили в очаг. Она в огне сгорела.

Частенько мне теперь рассказывает мать
О брате, что погиб вдали от гор любимых,
Что очень на меня похож был брат Ахмат,
И болен я теперь тоской неисцелимо.

И потому подчас я в зеркало смотрю.
Обычай не забыв, пишу я строки эти.
Смотря глаза в глаза – я с братом говорю,
Забыв, что это я живу на белом свете.

(Перевод с карачаевского)

Назир ХУБИЕВ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В белый снег оделись горы.
Ночь упала на вершины.
Спи, малыш. В такую пору
Спят и горы, и долины.
Спи же, мой орленок горный,
Ночью непроглядной, черной.

Облака легли седые,
Снег пушистый обнимают.
А березки молодые
О весне во сне вздыхают.
Ласточка моя, усни.
Спи спокойно до весны.

Вон метель бушует, злится,
Что так долго темень длится.
Но орленку сладко спится
Под крылом большой орлицы.
Спи и ты, орленок мой,
Глазки-звездочки закрой.

Водопад застыл покорно:
Силы буйные иссякли.
Чутко спит котенок черный
У порога старой сакли.
Спи же, рыбка золотая,
Речка скоро не отгает.

Смотрит тур недвижимым оком
Из своей пещеры черной.
И в снегу ночном глубоком
Тихо спит аул наш горный.

Спи, хороший мой туренок,
Снег и холоден, и звонок.

Вон во сне крылами машет
Твой весенний белый голубь.
Где-то спит и солнце наше,
И пока долины голы,
Спи, мой белый голубочек,
Крепко спи до первых почек.

(Перевод с карачаевского)

Угузев

Валерий ГУЖВА

НАСТРОЕНИЕ

Невесело мне что-то, не смешно...
Какой там смех, когда тебе под тридцать,
И озеро надежд твоих давно
Успело вязкой ряскою покрыться.

Но я сижу над озером, сижу...
Стара фуфайка, плохо греет плечи,
И в будущее тихо я гляжу,
И мудрость постигаю человечью.

– Ужели вправду плохо жизнь идет? –
Прохожие кивают удивленно.
– Нет, – отвечаю, – дождь еще не льет,
А, значит, жить пока на свете можно.

Кому скажу, что мне нехорошо?
Знакомым до того и дела мало.
Печаль пройдет, как этот день прошел...
...Вон солнце на закате засияло.

(Перевод с украинского)

Валерий ГУЖВА

* * *

Я пью за дядю.
В орденах вся грудь –
Они войной Отечественной даны.
Под кителем мой дядя носит раны,
А в памяти – веселие и грусть.

За дядю пью.
Он честный человек.
Не променял земли своей, не пропил,
Нет, съездить в город он совсем не против,
Но в сердце Поле Дикое навек.

За дядю пью,
И за его сынов,
Что, как отец, родную землю любят,
За потолок в доме, как белый лебедь –
Простое небо хлеборобских снов.

За дядю пью,
За наш крестьянский род –
В нем крепостных отроду не бывало,
За то, чтоб жито вечно колыхалось,
И шло бы счастье на его порог.

За дядю пью,
За всю мою родню,
Она измен не знает и лукавства,
За то, чтоб никогда не отрекался
Я от нее,
И ношу нес свою.

Мурзаев

За дядю пью.
За всех я дядек пью,
Что кормят честным хлебом Украину,
Стоят в бою, покуда не погибнут
И тихо любят Родину свою.

(Перевод с украинского)

Михаил ХОНИНОВ

МЕЧТА О СЧАСТЬЕ

Настал тот день, пора пришла –
Я косу заплела тугую.
Мечтой о счастье я жила,
А счастье выбрало другую.

И нету в том моей вины,
Что наша юность поседела,
В жестоком пламени войны
Дотла любовь моя сгорела.

Погибли и отец, и мать –
Все вынесла я жизни ради.
Кто мог меня тогда понять?
Кто руки мог мои погладить?

Проходят дни, идут года,
Всю нашу жизнь деля на части,
Но, как и раньше, я всегда
Живу моей мечтой о счастье.

(Перевод с калмыцкого)

Лайма ЛИВЕН

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО СТАРИКА

Это – последнее лето мое,
Это – последний мед.
Пчелы грустят, и солнце мое
Мне тепла не дает.

Мокнет клевер под мелким дождем,
Липы цветут лениво,
Но никогда я не видал
Таких закатов красивых!

Но никогда не чувствовал я,
Как травы пахучи!
Время бежит мимо меня,
Я ему не попутчик.

И пробегает детство мое
Босыми ногами.
Первая радость, первая грусть
И первый страх – на память.

Идут школьные зимы мои,
Лета летят пастушьи...
Лето подсолнухом машет мне
И что-то звенит: послушай!

А потом – война и любовь –
Среди военной пыли.
Жаль, ничего нельзя удержать,
Можно лишь помнить были.

Зрелые годы на плечи мои
Давят грузом давним,
Много было печали, забот,
Много было страданий.

Четыре сына есть у меня,
Растут шумливые внуки.
Где есть веселая ребятня,
Там не бывает скуки.

Но это – последнее лето мое,
И я понимаю – скоро
Меня увезут уже навсегда
На ту вечную гору.

Но жить останутся сыновья,
И эти сосны, и тучи...
И мне моих мечтаний не жаль,
И трав не жаль пахучих.

Жаль одного: плох медонос,
И солнце мое не греет.
Жизнь получила бы больше от нас,
Будь она к нам щедрее!

(Перевод с латышского)

Угрюмов

Лайма ЛИВЕН

ОДЕЯЛО МОЕЙ БАБУШКИ

Лоскутное одеяло бабушки моей!
Лоскутки она сшивала много, много дней.

Синий лед толчется – значит: на земле весна.
Вот кусок фаты невесты – светлый, как она.

Желтый, словно одуванчик, – фартук у жены.
У рябины горько, горько листья зажжены.

А всего-то больше черных, как печаль в ночах,
Тех, что тлеют одиноко, превращаясь в прах.

Лоскутки полны печали, и темно в окне.
Бабушка, зачем дарила одеяло мне?

(Перевод с латышского)

Анатолий ГРЕЧАНИКОВ

* * *

Над Белой Русью белый снег,
Как будто чистое томление,
Как будто светлое спасенье
За самый затаенный грех.

Запахнет на рассвете снег
Малиново-прозрачным соком,
Сад, розовеющий во сне,
Зазвонит тихо возле окон.

Унынье – прочь! Сомненья – прочь!
И ощутить помогут звуки,
Что не было счастливых встреч,
Что не было еще разлуки,

Что только есть единый свет,
Свет разливающийся, снежный
И что отчаяния нет,
Что все ушло, осталась нежность.

Когда ж тревога полоснет
Иль станет грустно почему-то,—
Над Белой Русью белый снег
Представь себе хоть на минуту.

(Перевод с белорусского)

Шейитханум АЛИШЕВА

*Я – КАРА-ЧАЧ**

Я – красавица Кара-чач,
Башня так моя высока.
Будь ты молод и будь горяч –
Не открыть моего замка.

Сколько ты ни зови, скорбя,
Слезы мне, как тебе вода,
В камень я превращу тебя,
Станешь каменным навсегда.

Я – волшебница Кара-чач,
Знаю, вижу тебя насквозь,
В вышине не ищи удач,
Мой случайный незванный гость.

Да, я слышу, путник, твой зов,
Не откликнусь, не стану звать,
Видно, очень сильна любовь,
Что ты каменным хочешь стать!

Может, камня любовь сильнее,
Может, вспыхнет она, лучась,
Через камни пройдет ко мне...
Я – красавица Кара-чач.

(Перевод с кумыкского)

* *Кара-чач* – черноволосая, имя красавицы из кумыкской легенды.

Амир ГАЗИ

* * *

– Почему же впустую провел ты весь день? –
Я соседа однажды спросил.

– Потому, – говорит, – что сегодняшней день
День вчерашний собой повторил.

– Что ж работаешь ты от зари до зари? –
Я другого спросил наугад.

– Потому, что сегодняшней день, – говорит, –
Никогда не вернется назад.

(Перевод с даргинского)

Угузев

Василий ГОЛЬДЕРОВ

МАХТАЛ*

За ласку, за добро и за привет
Всем добрым людям, что в пути встречал,
И даже тем, кого в живых уж нет,
Я от души не высказал махтал.
И оттого так никнет голова,
Что слишком поздно вдруг понятно нам:
Сердечные сокрытые слова
Подобны нераскрывшимся цветам.
Вас, дорогие спутники мои,
Стихами, как цветами, одарю,
Примите же слова моей любви,
Хоть слишком поздно их я говорю.

(Перевод с якутского)

* Махтал – спасибо.

Василий ГОЛЬДЕРОВ

* * *

С годами
я тоскую по весне,
По лету
и по осени печальной,
И бередит сильнее
душу мне
Зимы суровой
утренник прощальный.

И солнечный
сверкающий закат
День ото дня
милее и дороже,
И то,
что не вернется назад,
Мой разум занимает
и тревожит.

Иль мудр я стал,
скажи мне, человек,
И книга жизни
предо мной открыта,
Иль оттого,
что так короток век –
Летит,
как кем-то брошенная бита?

(Перевод с якутского)

РАЗУМЕНИЕ СЕРДЦЕМ

Поэзия Нины Груздевой.

Воспоминания и размышления

Шестидесятые годы прошлого столетия...

Звучит уже исторически, не правда ли? А ведь это и в самом деле были исторически очень значимые годы – подъем всей нашей культуры на какой-то совершенно новый, сокровенный уровень, огромный всплеск поэзии и прозы...

Мы учились тогда в Литературном институте им. А. М. Горького – и Николай Рубцов, и Сергей Чухин, и Нина Груздева, и автор этих строк. Да разве только мы? В Литинституте учились тогда все те, чьи имена стали гордостью русской литературы в последующие десятилетия, с кем и поныне поставить рядом некого.

У Николая Рубцова в Москве было как бы два круга друзей: один составляли литераторы, укоренившиеся в столице, имевшие уже немалую известность и обладавшие недюжинной деловой хваткой, а в другой входили, что называется, свои – земляки-вологжане, включая и тех, кого я назвал выше, да еще рязанские, уральские, алтайские ребята, едва только начавшие утверждать себя в литературе. В этом кругу Коля отдыхал душой, тут говорилось больше о простом, земном, сердечном, тут его ценили по-настоящему, стихи его слушали, затаив дыхание.

Сидели мы как-то в общежитии на улице Добролюбова в моей угловой комнате, и разговор зашел о женском контингенте Литинститута.

– Это надо же... – сказал Сережа Чухин. – Целый этаж у нас тут женский, и в основном ведь поэтессы все... Это сколько же будет поэтесс? Слушайте, братцы, а можем мы кого-либо из них поставить вот тут, рядом с нами?

– А наша Нина? – встрепенулся Рубцов. – Про нашу Нину Груздеву ты забыл, что ли? Только Нине рядом с нами и место,

а остальным даже и близко делать нечего. Нина – поэт с большой буквы, у Нины чувство сильное, без малейшей женской подделки...

И закивали все: да, пожалуй, сильней поэта, чем Нина Груздева, на сегодняшний день на женском четвертом этаже не найдется.

Незаметно пролетели с той благодатной поры целые десятилетия, ушли из жизни в Рубцов, и Чухин, а потом еще ушло такое множество друзей, что где-то в середине девяностых мне, уехавшему из города на жительство в свой родной поселок, хотелось подняться на какой-либо холм и, обратив лицо к небу, завить от ужасающего одиночества.

И как раз в это время пришла мне из Вологды бандеролька. Глянул с радостным удивлением – Нина Груздева. Она прислала два своих только что вышедших сборника стихов – «Воскресение» и «Твое имя». А в письме просила дать ей рекомендацию для вступления в Союз писателей. Я поразился: как же так, неужели Нину с ее прекрасными стихами до сих пор не приняли в Союз? Ведь еще когда училась в Литинституте, вышла у нее книжка стихов «Тропинка», а в то время, если кому-то удавалось выпустить книжку, будучи студентом, то уже как-то само собой подразумевалось, что это залог надежного литературного успеха в будущем.

После смерти Рубцова мне не раз приходилось встречаться в Москве на различных литературных мероприятиях и с Чухиным, и с Коротчаевым, и еще кое с кем из вологжан, справлялся я у них о Нине, но даже и в голову не приходило спросить, приняли ее в Союз писателей или нет. Считал, что она давно в Союзе: как можно не принять человека, творчество которого высоко ценилось и Сельвинским, и Боковым, и Рубцовым, да и не только ими?..

А оказалось вон оно как – годы, два с лишним десятилетия забвения... Написал я Нине рекомендацию и, учитывая то, что будут ее зачитывать в Вологодской писательской организации на собрании по приему, посетовал без обиняков: дескать, что же это вы, братцы, к судьбе столь одаренного человека-то с таким равнодушием относитесь? Узнал потом, что вроде бы спохватились. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда.

Вступление в Союз писателей, конечно же, и поддержало, и открыло Нину Груздеву. В 1998 году в серии «Вологда. XX век» вышел новый сборник ее стихотворений «Звезда», а в 2001 году еще одна прекрасная книга – «Часы песочные».

И более всего, читая эти книги, радуюсь я тому, что Груздева, несмотря на долгие годы непризнания ее творчества, невзирая на боль, которую испытывает любой поэт, обреченный на забвение, осталась верной своей сути, не приспособилась «к веянию новых ветров, не предала однажды выбранную ее сердцем тему – великую тему любви. В наше нелегкое переломное время немало известных писателей и поэтов не справились с собой – отреклись от высокого, истинного и скатились к ложному, низменному, стали работать «на потребу улицы». А Нина Груздева – женщина! – несмотря ни на что, сумела справиться с собой и более того – обрела новую силу.

Читая как-то ее стихи, задумался я о времени нашем переломном, о великой теме любви и вдруг задал себе вопрос: а может, в том, что Нину Груздеву отринули на многие годы и пытались забыть, есть нечто закономерное? Ведь именно в переломное время в России пытались отринуть и забыть Есенина, хотя уже и после его смерти. А Бунина отринули и пытались забыть при жизни. А не за то ли, что писали прежде всего о любви и делали это с таким огромным чувством, с таким проникновением и так убедительно, как никто?..

Странная у нас Родина: когда судьба ее висит на волоске, откуда-то вдруг появляется множество людей, которым слово «любовь» и произносить-то стыдно, они даже стараются заменить его каким-нибудь другим. А вот ненависти ничуть не стыдятся.

Бунин, отринутый, почти забытый в России, и на чужбине продолжал писать о любви. О нашей русской любви – высокой, мучительной, сжигающей, жертвенной. И «Жизнь Арсеньева», и «Темные аллеи» – произведения, за которые он был удостоен Нобелевской премии – именно о ней. Это и ему там помогло выживать, и нам теперь жить помогает. Бунин считал, что любовь – это некий высший, напряженный момент бытия, что, подобно зарницам в ночи, она озаряет всю жизнь человека.

И мне кажется, что Нина Груздева в своем творчестве очень близка именно к такой оценке любви. Думаю, что если бы она относилась к самому высочайшему из человеческих чувств по-иному, то вряд ли сумела бы сохранить верность этой теме, живя столько лет в отрыве от читателя на своей родине, словно на чужбине.

Есть у нее стихотворение, где любовь, как бы обладая голосом, говорит от своего имени:

*Не удивляйся, я приду сама,
Как солнце, как прозренье, как чума,
Болезнь заставлю жизнью, красотой.
Сокровища несметные открою,
Руками, как крылами, обойму.
Прильну дыханьем к сердцу твоему,
Заставлю биться сладостно и больно,
Пока себе я не скажу: «Довольно!» –
И, раскаливши душу добела,
Сама уйду неслышно, как пришла.*

Так ли уж далеко это от бунинского понимания любви? По моему, здесь то же самое понимание ее: любовь – это великое озарение, наивысший момент в жизни человека, и только в этот момент человек способен ощутить всю полноту жизни, все ее богатство, всю ее красоту.

Немного поспорил бы я, может, с Груздовой лишь насчет последней строки этого стихотворения. Да, любовь чаще всего уходит, но совсем ли она уходит, вся ли? Она оставляет в душе такой глубокий след, что человек ощущает его долго, практически всю свою жизнь. И когда эта всевышняя вспышка уже далеко позади, когда наступает время подводить итоги, то, перебирая все свои былые беды и радости, успехи и провалы, взлеты и падения, опять вдруг ощущаешь нечто вроде озарения той давней любовью и задаешь себе вопрос: а, несмотря на боль, на все муки, которые она с собой принесла, было ли у тебя что-либо прекрасней и выше этого? И сам же себе отвечаешь: нет, выше этого не было ничего.

Да, впрочем, вряд ли и стоит спорить об этом с Ниной Груздовой, поскольку большинство ее стихотворений – не о любви нынешней, не о любви, что называется, в чистом виде, а как раз и несут в себе тот самый след былого. Как и у Бунина. Нести это всю жизнь – нелегкий для души труд, и Груздова с присущим ей проникновенным волнением, даже почти с надрывом убеждает тех, кто не в силах понять этого:

*Уймите справедливые упреки,
Что труд в стихах моих не побывал!
Стихов я не выдумывала строки –
Их кто-то мне ночами диктовал!
Нет, не бралась не за свое я дело,*

*И, кажется, по-своему права:
Я так писала, как душа велела –
Любовь и слезы сплвила в слова!*

След, который несет в себе душа Нины Груздевой, столь глубок, что стихи, написанные ею на эту тему, являют собой как бы повесть-исповедь о любви – об одной-единственной, ушедшей, но непроходящей.

И в наше умопомрачительное время, при нынешнем безобразном отношении к любви, когда наивысшее проявление ее стали называть будничным иностранным словом «секс», когда и мужчины, и женщины все с большим вдохновением меняют свои привязанности, даже и не помышляя о том, какой ответственности и жертвенности, какого мужества требует истинная любовь, голос Нины Груздевой, вещающей именно обо всем этом, не похож ли на «глас вопиющего в пустыне»?

Наверное, так оно и есть. Но, Боже мой, как он сегодня нужен, этот голос, вернее, этот глас... И напрасно кто-то думает, что он бесполезен. Ведь с «гласа, вопиющего в пустыне» начиналась новая эра человечества, то есть наша эра, которой вот уже две тысячи лет. И вещал он тогда погрязшим в грехах людям прежде всего об истинной любви.

Когда Нину Груздеву не печатали, то наверняка упрекали ее в «излишней приверженности к теме любви», а ведь у нее немало стихов и на другие темы, да каких стихов!.. Душа человеческая, ее сегодняшнее обнищание, обзаведение створками, как у раковины, – это ли не главная тема сегодняшнего дня? И сколь убедительно, с какой горькой сердечной проникновенностью решает ее Нина Груздева в стихотворении, посвященном А. Цыганову...

*Натрудившись, душа хочет
к близкой душе прислониться.
Только где же сейчас ты ей душу
такую найдешь?
Души все в камышах.
Не шелхнутся тихие ветки.
Их сейчас не найдешь там,
хоть днем с фонарями ищи.
Как с душой нараспашку
по жизни прошли наши предки.
Так сегодня мы все поголовно ушли
в камыши...*

А какое теплое и глубокое – сродни рубцовскому – понимание родины ощущается в ее стихах, насколько ненавязчив, но точен и объемён у нее пейзаж, всегда исполненный высокого смысла... Как, например, в стихотворении «Август»:

*Глубокая таинственная ночь
Легла на отсыревшую дорогу,
И ветерок ушел куда-то прочь.
И только свежесть веет понемногу.
Ничем не потревожит тишина,
И сон окутал все дела земные,
Но вот большая круглая луна
Вдруг осветила призраки ночные.
Неясная искрящаяся медь
Ржаное поле все позолотила.
Здесь только сердце может разуметь
Во всем большую дремлющую силу.*

Поистине, веет классикой.

Нет, поэзия Нины Груздевой – не просто любовная лирика, в ее стихах именно вот это вот главное – «разумение сердцем». Разумение сердцем не только взаимоотношений мужчины и женщины, а всего нашего бытия во всей его сложности. Слишком велико для Груздевой значение дара Божия, именуемого Жизнью, чтобы относилась она к нему упрощенно:

*...Я так свое прошедшее люблю!
И знаю все: кто друг, а кто предатель.
Я отблески мгновений в нем ловлю
Почти как посторонний наблюдатель.
Ты моего прошедшего не тронь,
Не смей входить в него, не зная страха!
В нем есть всегда величественный трон,
И слава, и забвение, и плаха.*

И Любовь. Все-таки Любовь – прежде всего, потому что «разумение сердцем» – это именно Она. И еще – огромное мужество, которое помогло не страшиться ни забвения, ни плахи. Которое помогло не только сохранить «разумение сердцем», но и с большим мастерством передать его в слове людям.

Вес это есть у моего друга – прекрасного поэта Нины Груздевой.

Борис ШИШАЕВ

НЕ ПОГУБИ МЕЛОДИЮ В ДУШЕ!

Свойство поэтического слова таково, что одни и те же слова и рифмы, иначе расставленные или даже слегка переставленные, настраивают нас на совершенно разные музыкальные волны. И одни из них слагаются в мелодию, трогают чувства или же охватывают всю душу, а другие в ней не звучат.

У поэтессы Нины Груздевой в сборнике избранных стихотворений они звучат, русские проникновенные мелодии.

*Ах, какой высокий в небе день
И жужжит парящий зной,
Облака, как гуси-лебеди,
Проплывают надо мной.*

Здесь чувствуется тяготение к ритмико-музыкальной рифме с некоторым интонационным сдвигом, что вполне в духе русской песенно-поэтической традиции. Вслушайтесь: «В небе день – лебеди». Искусная рифма, по-русски звучащая.

Не случайно в свои стихи поэтесса допускает лишь те слова, которые душой поются. Найдут ли они своего зоркого и чуткого талантливого композитора, который положит их на музыку, да так, что запоет эти песни народ? Хочется верить. Ведь и ритмика ее стихов вполне соответствует духу нашего стремительного времени в медлительных пространствах вселенной.

*Где-то месяц плывет во ржи.
Где-то плачут от счастья люди...
Удержи меня, удержи –
Больше ночи такой не будет!*

Здесь и лирический мотив ищущей себя любви, и щемяще-трагическая нота ее предопределенности: «*Что-то главное в нас умрет – Будем сами в том виноваты*».

Поиск себя в любви, ее приливах и отливах, соответственно, сопровождается поиском выразительных средств. И даже при некоторой изломанности их можно положить на мелодию. «*Все равно И в аду Не сожгут – Не за что, Вновь до рая Дойду За твоей Нежностью*».

Напор, экспрессия молодого чувства еще перехлестывает через край, а уже начинается смирение перед несбыточностью своих надежд и устремлений.

*Кричу почему я:
Его не догонишь!
Его поцелуй
Щекоцут ладони.
Щекоцут, смеются
На радость? На горе?
В душе остаются
Надолго, на годы.*

Со временем лирическое состояние автора все реже и реже станет выходить из берегов. И рифма станет более сдержанной и выверенной. В сердце сложится целомудренность, а у мыслей появится мудрость. Начнется осень чувств, но она их не погубит забвением, а сохранит памятью светлого прощания с легким вздохом прощания.

*У плетня пустеющего сада
Снова провожаю журавлей.
Милый друг мой, мне уже не надо
Опоздавшей нежности твоей.*

Такая элегическая романсовость в стихах знаменует собой зрелость чувств. Утоление личной боли поэта находится в сопереживании другим поэтам. И тогда даже интимная лирика становится вдруг всеобщим достоянием. Она интимна настолько, насколько сердце поэта распахнуто миру. И тогда ветер и все поветрия времени вторгаются в него и мужественно встречаются им. А у памятника Н. Рубцову у Груздевой появляются такие пронзительно-мудрые строки:

*Ты жил, как Бог, без хлеба и без крыши.
Любой приют – твой временный причал.
Ты говорил – народ тебя не слышал,
Народ других провидцев привечал.
...Давно звенит твое святое имя.
И все, твоей причастные судьбе, –
Провидцы – оказались вдруг слепыми...
О, как они завидуют тебе!*

В свое время известный поэт Илья Сельвинский назвал Нину Груздеву «певчей птицей» отечественной поэзии, причисляя ее имя к плеяде лучших поэтов страны. Только она не умела выполнять в литературе социальные заказы. И за это была

наказана чиновниками от литературы долгим молчанием, точнее, фигурой умолчания. Но поэтесса не молчала, она писала – без всякой надежды на издание, пока, наконец, не засияла вновь ее звезда. В 1995 году вышли в свет сразу два ее поэтических сборника: «Твое имя» и «Воскресение».

Возраст поэтессы – это возраст, который можно дать ее стихам. Вопреки тому, что в издании поэтических книг ей долгое время было отказано и она была обречена на изоляцию от читателя и непризнание, Нина Груздева не потеряла лирического дыхания, свежести и непосредственности восприятия мира. Вступая в осеннюю пору своей жизни, она сохранила весенние краски. Вместе с тем в ее поэзии появляются метафорически-философские стихи.

*Средь мира бодрствующе-спящего.
Средь суеты и сора пошлого
Шуршат песчинки настоящего,
Спешат из будущего – в прошлое.*

Не случайно одно из стихотворений избранного названо так: «Часы песочные». Зримо и точно найден центральный ключевой образ. Наши биологические часы в тесном взаимодействии с часами духовными, наверно, имеют свойство песочных часов: они требуют, чтобы внутри нас вовремя совершались некие перевороты, шло постоянное обновление, согласно известному закону отрицания отрицания. При этом философская метафора не мертвит ее поэзию, остается музыкальной, вырастает из народно-поэтических корней, выпархивает из русского романса. Образ песочных часов настолько пластичен, что за внешней оболочкой слов угадывается осиная талия, стягивающая их, пропуская песочную струйку из верхней чаши, символизирующей сгусток потенциала будущего, в нижнюю. И нижняя тут же наполняется прошлым временем. Или – будущим?

Однажды поэтесса себя заклинала: «Не погуби мелодию в душе». Это заклинание и сегодня так необходимо, так насущно для каждого из нас. Можно и не быть поэтом и певцом, не иметь музыкального слуха, но мелодией становится сам жизненный порыв, ее весенний прилив и осенний отлив, наше пробуждение и преобразование, духовная мотивация всех наших устремлений.

Не погуби мелодию в душе – не погуби духовности в себе!

Олег ДОРОГАНЬ

ЛЕТЯЩАЯ

К 70-летию Нины Васильевны Груздевой

Недавно с Ниной Груздевой произошел презабавный случай. К ее юбилею мы в Союзе писателей России прилагали усилия, чтобы в Вологде для областных и районных библиотек выпустили сборник ее стихов за счет администрации области. Все книги Нины Груздевой до этого выходили либо на ее скромные пенсионные средства, либо на деньги спонсоров. А этот год для нее особый – юбилейный.

Обращался в администрацию Вологодской области В. Н. Ганичев. Последовал отказ: нет в бюджете средств. Направил и я первому вице-губернатору Н. В. Костыгову «слезницу», мол, был бы жив Николай Рубцов, он бы от юбилейных щедрот в его адрес (а область на 70-летие поэта хорошо раскошелилась) обязательно помог бы Нине. «Любимой моей и нашей Нине, талантливой, чудесной», – как он писал в 1967 г.

Но и здесь ответили отказом.

Помог случай. По телевидению Нина услышала послание Президента В. В. Путина Федеральному Собранию и там такие слова: «А теперь о главном. Что у нас главное? Правильно, любовь...» В администрацию Вологодской области полетело письмо Нины Васильевны: «Поскольку Президент сказал, что главное у нас любовь, а я всю жизнь пишу только о главном, то...»

Отказать поэтессе никак уж не смогли.

Нина, несмотря на тяжелые болезни, сложную личную судьбу, никогда не теряла врожденного оптимизма. Она всегда была и остается вдохновенно летящей, такой, какой ее изобразила на портрете народная художница России Джанна Тутунджан:

*Я – вся из звуков, вся из хлеба.
Как та высокая сосна,
Я головой касаюсь неба,
Корнями в землю проросла.*

Двадцать с лишним лет ее не печатали. Ни одной книги!.. А она продолжала писать, не отступая от своей темы – любви.

Мне она напоминает одну поэтессу, о которой многие читатели и не слышали. Это – Ашальчи Ока, удмуртский соловей. Ашальчи сильно и ярко писала о любви, и только о любви.

А ей говорили: не о том пишешь. Ашальчи не захотела писать «о другом» и заставила себя замолчать. На всю жизнь. Для небольшой младописьменной удмуртской литературы это была трагедия. Сегодня Ашальчи Ока объявлена национальной гордостью, ей поставлены памятники, открыты музеи, стихи ее, как народные песни, поют, учат наизусть, но нерожденные ею строки, ненаписанные, так и остались навсегда тайной...

И Нина Груздева долго ждала своего часа, и только одна готовилась к нему. Он пробил тогда, когда никто не ожидал, в годы «поэтической немоты» в середине 90-х годов. Она тогда выпустила подряд две книги стихов «Твое имя» и «Воскресение», и немногочисленные читатели, так и хочется сказать, оставшиеся в живых, открыли Нину Груздеву вновь и, думается, уже навсегда:

*Уймите справедливые упреки.
Что труд в стихах моих не побывал!
Стихов я не выдумывала строки –
Их кто-то мне ночами диктовал!*

*Нет, не бралась не за свое я дело,
И, кажется, по-своему права:
Я так писала, как душа велела –
Любовь и слезы сплавляла в слова!*

На 40-летию Вологодской писательской организации, собравшись за дружеским столом, мы стали невольными свидетелями этого удивительного явления. Мы – это автор этих строк, Станислав Куняев и Николай Дорошенко. Нас на мякине не проведешь, опытные литературные волки.

Поэты знают, как трудно читать стихи, когда за столом уже позади три-четыре выпитых рюмки. Но Нина решительно себя вознесла над праздничной снедью, спокойным жестом поправила прическу. Все вмиг присмирели. Она читала короткие стихи (Нина любит лапидарную поэтическую речь), с трудом выговаривая из-за болезни слова.

*...Я так свое прошедшее люблю!
И знаю всё: кто друг, а кто предатель.
Я отблески мгновений в нем ловлю
Почти как посторонний наблюдатель.*

*Ты моего прошедшего не тронь,
Не смей входить в него, не зная страха!
В нем есть всегда величественный трон,
И слава, и забвение, и плаха.*

Настоящие классические стихи!.. В них произошло чудесное соединение голосов, талантов и судеб вологодских поэтов: от Константина Батюшкова до Николая Рубцова. Нина Груздева стала матерью-берегиней северной поэзии.

За пять прошедших лет к ней пришла и литературная слава: она награждена Всероссийской премией «Звезда полей» имени Николая Рубцова, стала победительницей Международного конкурса поэзии «Золотое перо», ее прекрасные подборки стихов появились в Москве и в Вологде, имя ее занесено в академический словарь русской литературы XX века.

Случай с Ниной Груздевой особый, но характерный для отечественной литературы. Читателям, воспитанным на традиции, захотелось услышать чистое, без примеси грязи, литературное слово. Они соскучились по сильным характерам, высоким чувствам, выношенным мыслям. В этом ожидании – причина успеха Нины Груздевой, ставшей любимицей вологжан. А Нина Васильевна ждала этого читателя двадцать семь лет.

И вот, наконец, они встретились.

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ

ЛЮБОВЬ ВОСКРЕСШАЯ

К юбилею Нины Груздевой

Наша встреча произошла на праздничном застолье и честь 40-летия Вологодской писательской организации, то есть пять лет тому назад. Местные писатели и мы, гости из Москвы (хотя, какой я гость?!), собрались в зале ресторана гостиницы «Вологда», что у вокзала. Василий Иванович Белов, тряхнув стариной, играл на гармошке, погрузневший Александр Грязев выкидывал в пляске замысловатые коленца...

Но не этой, почти деревенской, атмосферой запомнился праздник. Где-то после третьей или четвертой рюмки, когда друг друга плохо слушают, встала из-за стола Нина Васильевна Груздева и начала читать стихи. Одно, второе, третье стихотворение... Корот-

кие, афористичные, они вдруг остановили разбег застолья, заставили всех притихнуть, напряженно внимать, с трудом из-за болезни выговариваемым поэтессой, словам. Чтение было поразительным, и мы (такое же чувство испытал, как он мне потом сказал, и Николай Дорошенко), стреляные в литературе воробы, отныне и до конца своих дней понесли в себе воспоминание о Нинином поступке.

Сорокалетие легендарной и знаменитой организации удалось!..

И до этого мы знали, что в Вологде живет поэт Нина Груздева, почти забытая, что она в последние годы начала активно печататься, вологжане от нее в восторге, но слухи не убеждали: мало ли всяких «рифмачей», по слову Пушкина, появились в те бедовые времена? Да и сама Нина возникла, скорее, из другой эпохи. О Груздевой еще Яшин (как старик Державин) хорошо говорил.

Нина Васильевна восстановила, как это не банально звучит, распадавшуюся связь времен вологодской литературы, из молодого поколения оказалась... самой молодой.

Но почему так долго молчала? Что случилось?

Беды с изданием стихов для Нины начались, когда отвергли ее первую книгу в столичном издательстве. Потом еще одна неудача, другая... Никто ее не поддержал, не помог. Тут накатились и болезни... И она перестала печататься...

А до этого был Литературный институт «времен Рубцова», весь клокочущий, бурный.

Однокурсник Нины Васильевны Борис Шишаев (лучше всех, тепло, по-мужски написавший о ней за последнее время) вспоминает: «Сидели мы как-то в общежитии на улице Добролюбова в моей угловой комнате, и разговор зашел о женском составе Литинститута.

– Это надо же... – сказал Сережа Чухин. – Целый этаж у нас тут женский, и в основном ведь поэтессы все... Это сколько же будет поэтесс? Слушайте, братцы, а можем мы кого-либо из них поставить вот тут, рядом с нами?

– А наша Нина? – встрепенулся Рубцов. – Про нашу Нину Груздеву ты забыл, что ли? Только Нине рядом с нами и место, а остальным даже и близко делать нечего. Нина – поэт с большой буквы, у Нины чувство сильное, без малейшей женской подделки...

И закивали все: да, пожалуй, сильнее поэта, чем Нина Груздева, на сегодняшний день на женском четвертом этаже не найдется».

Остались с тех пор фотографии, которые развешены на стенах, хранятся за стеклами книжных полок в вологодской квартире Нины Васильевны Груздевой. Остались автографы Николая Рубцова на его сборниках, среди них и такой: «Любимой моей и нашей Нине, талантливой, чудесной. 20/VII-67 г. Н. Рубцов».

«Наша» – здесь не случайное слово. В нем звучит и гордость, и поддержка, видится и какое-то, столь необходимое поэту, дружеское чувство локтя. Я уверен, будь жив Рубцов, и творческая судьба Нины Груздевой сложилась бы по-иному: он бы ее не дал в обиду, защитил.

Если бы, да кабы... 35 лет прошло с января 1971 года, половина жизни Нины Васильевны Груздевой, которая сама родом с соседних от рубцовской Тотьмы земель.

Двадцать с лишним лет Груздева молчала: ни стиха в печати, ни строчки... А потом вдруг, как прорвало: книга за книгой, большие подборки в вологодских газетах, публикации в журнале «Москва», в «Российском писателе». Литературные премии: сначала – всероссийская «Звезда полей» имени Н. М. Рубцова, затем – международного конкурса поэзии «Золотое перо».

Просто так, на пустом месте чудеса не случаются. И за деньги, которые с пенсии копила Нина на издание первых сборников, славы не купишь. Значит, читателей, оставшихся верными настоящей поэзии, должно было что-то сильно тронуть. Что?..

«У Нины чувство сильное, без малейшей женской подделки», – сказал Рубцов. Можно догадаться, что он имел ввиду, когда назвал «подделку», как особенность женской лирики, и противопоставил ей «сильное чувство». Рубцов и сам был несчастлив в любви, и такая судьба привела его к трагической развязке. Он боготворил тех женщин, у которых просыпалось «сильное чувство», искал их, но как человек, как мужчина, ощущал себя обнесенным их вниманием, зачастую не замечая своего нарождающегося счастья с той, женской стороны. Ведь, и его, бывало, сильно любили.

И только, мне кажется, в редких женских стихах, прежде всего, в стихах своей землячки Нины Груздевой он находил какое-то соответствие своим мыслям и чувствам:

*Сидишь –
Нога на ногу,
Говоришь
Новости.*

*Я с тобой –
На небе,
Без тебя –
В пропасти!*

Или;

*Где-то месяц плывет во ржи.
Где-то плачут от счастья люди...
Удержи меня, удержи –
Больше ночи такой не будет!*

Или:

*Сердце я ключом закрою
Крепкого литья...
Только что мне это стоит –
Буду знать лишь я!*

Вот и захотелось читателю к середине 90-х годов сильного, волевого чувства, благородного жеста, бескорыстной верности до конца. Захотелось не мелкоты царивших тогда в поэзии отношений (где были мужские слезы и слюни), а чего-то чистого, нежного, светлого, простого. В отместку подлому времени с его низменными страстями. Захотелось дощатых тротуаров, поленниц дров, серого неба, серой воды... И чтоб всё это вдохновляло, возвышало, чтобы над всем торжествовали вечные чувства и великие прозрения.

Тогда-то и потянулись к Рубцову. Это был взрыв всероссийского интереса. А местный взрыв – интерес к Груздевой.

*Может, вымолвишь нежное слово
Хоть одно – и рассеется грусть.
Коль такой ты сегодня суровый,
Что ж, сама я тебе улыбнусь!*

Откуда же в ней, забытой на двадцать лет Нине Васильевне Груздевой, взялся такой характер?

Русская великая загадка. Стихи стали ее счастьем, ее любовью – к белому свету, к Богу, к людям, к каждому мгновению, к тому «краешку зари», который она видит в том числе и из больничного окна.

Ее любовь оказалась непобедимой, хотя и неразделенной, как и любовь Рубцова.

*И что это сердце так радо –
Я, право, не знаю сама,
Ведь было-то несколько взглядов
Да три откровенных письма.*

Их имена – Рубцова и Груздевой – сегодня в русской поэзии стоят рядом на расстоянии близкого, теплого дыхания.

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ

«А ДУШЕВНЫЕ СВЯЗИ ТОНКИ...»
*О книге избранной лирики Нины Груздевой
«Краешек зари»*

Много на Руси поэтов, которые при жизни не получают признания. Но не всем, как бы ни тешили себя неизвестные и непризнанные, известность и слава суждены и по смерти. Далеко не многих настигают они там, в запредельных далях...

Нина Груздева, живущая в Вологде, со своими негромкими задушевыми стихами долго не получала широкого признания. Долго не удавалось напечататься, редко выходили её книги. С опозданием, но признание и читательское почитание всё-таки пришли к ней. Её имя теперь среди имён лучших российских писателей XX столетия – в трёхтомной библиографической энциклопедии, изданной Пушкинским домом. Там в статье о Н. Груздевой есть ссылка и на мою рецензию о её лирике «Не погуби мелодию в душе», опубликованную в «Российском писателе» в 2003 году. Небольшая рецензия, а сыграла, оказывается, немалую роль в судьбе поэтессы. Её творческий вклад в нашу литературу отмечен Всероссийской литературной премией имени Николая Рубцова «Звезда полей». Композиторы стали писать песни на её стихи. К 70-летию Н. Груздевой департаментом культуры Вологодской области в 2006 году была издана книга избранной лирики «Краешек зари». Она была представлена на творческом вечере поэтессы, на котором выступили известные в России поэты, прозаики и критики: первый секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов, заведующая отделом культуры журнала «Москва», критик Капитолина Кокшенева, прозаик Владимир Личутин, заведующий отделом прозы жур-

нала «Наш современник» Андрей Воронцов. Вел вечер секретарь Союза писателей России, критик Вадим Дементьев.

В молодости поэтесса была хорошо знакома с Николаем Рубцовым. И в её чуткой и нежной лирике чувствуется та же школа. Своей судьбой, своей памятью о нём она продолжает его стезю. И в себе она словно бы несёт всем живой укор за него, давно трагически покинувшего нас:

*Спрошу я у Господа Бога,
За душу себя теребя:
Откуда сегодня так много
Друзей развелось у тебя?*

*И пишут, и пишут, и пишут,
И хвастают, совести нет,
А дали бы вовремя крышу –
И жил бы великий поэт!*

Тени известных поэтов, её товарищей и друзей, кажется, постоянно с нею, всё время рядом. И это в её стихах передано удивительно просто и точно, с поистине лирической неуловимостью, как в стихах, обращенных к Сергею Чухину, тоже безвременно ушедшему:

*Почему мне одной
В этой комнате тесно,
Хоть просторна она,
Будто весь белый свет?
Всё звучат и звучат
Приглушённые песни.
Кто-то должен прийти,
Но кого-то всё нет.*

И в стихах к Илье Сельвинскому она словно раскрывает один из секретов своих стихов, некогда переданный ей этим выдающимся мастером стиха.

*И радость, и боль в этой песне.
Прислушайся к ней не дыша.
Шагая тропинкою вешней...
И вся истомится Душа!..*

Песня проста, а душа от неё может вся истомиться. В этом и состоит секрет обаяния и бесхитростности её удачных, её

мелодичных стихов. Впрочем, в них нет заданной песенности, они несут в себе признаки подлинной поэтичности.

А трагическая нота в лирике Нины Груздевой настолько светла и проникновенна, что любая скорбь растворяется в жизнестойкости и вере её в жизненную силу доброй памяти.

Н. Груздева тонко передаёт эти свои состояния. Воспоминания стали и тяжкой, и легкой ношей для её души.

Как же тяжело ей теперь без её друзей, живыми навсегда оставшихся в её молодости! Однако одиночество поэтессы перестаёт быть трагическим состоянием, как только она обращается к своим собратьям по перу, как к живым.

Однажды Нина Груздева прочитала мне по телефону стихотворение пронзительной, а лучше всё-таки сказать – проникновенной силы:

*После нас не останется писем,
А душевные связи тонки,
И уносятся в звёздные выси
Телефонные наши звонки.*

*Может, где-то в межзвёздной Вселенной,
На звезде или в райском тепле
Вдруг наступит звонок тот, последний,
Не заставший меня на Земле.*

Поначалу из-за своей доходчивости стихи эти мне показались простыми. Но, вдумавшись, я понял: в них заключён такой неисчерпаемый объём смысла, что можно, ухватившись за одно слово, распутать весь клубок души. И душевные, и духовные связи во Вселенной настолько тонки, что могут обрести вес только где-то в межзвёздном вселенском пространстве. Они доносятся оттуда в понятной нам форме телефонных звонков, очень часто это бывает во сне, реже случается и наяву. А чуткий настрой души позволил Нине Груздевой выразить эти сложные взаимосвязи с необыкновенной убедительной силой. Здесь и предчувствие неизбежности последнего звонка, который может её уже не застать, и светлая вера в то, что для всех есть место во Вселенной, где жизнь продолжается, только в каких-то иных формах. А душевные связи, налаженные здесь, на Земле, продолжают и там. Напоминание же о том, что они всё-таки тонки и легко рвутся, становится предостережением, лишённым морализаторства, звучит одной выдохнутой скорбной нотой, одной драматической строкой.

Одиночество без родных и близких – самое трагическое состояние на земле. И с таким несправедливым мироустройством невозможно согласиться и смириться. Но вера в Спасителя, в то, что промысел его исполнен мудрости и сокровенного смысла, придаёт нам терпимости, уравнивает вселенные наших душ.

Мне думается, понимание этого поддерживает Нину Груздеву духовно, помогает ей слагать свои стихотворения, которые, по её собственному признанию, она пишет сейчас редко, лишь в особом состоянии души.

Тем ценнее то, что сложилось и состоялось у неё.

Поэтесса достигла мудрого осмысления смысла жизни и смысла смерти. Она застала время своего признания. В этом её счастливая участь. Правда, в том есть и её трагическая неудовлетворённость земным статус-кво. В тех стихах, что она пишет сейчас, чувствуется её устремлённость в небо – подальше от земли, которая зовёт в себя... Но свой обжитой дом она никак не хочет менять на какой-то иной: «Кто к Рубцову, кто к Яшину, только я – никуда...». Она называет себя «одомашненной» и в те непостижимые звёздные выси, куда ушли поэты, она взлететь ещё не готова...

У стихов есть свойство покрываться неким мистическим флёром после ухода поэтов. И, возможно, ещё найдутся исследователи, которые скажут о стихах Нины Груздевой как-то иначе, нежели сейчас я.

Мне же хочется сегодня пожелать поэтессе новых сил и свершений. Её судьба состоялась. И это главное. Цену тому, что есть, узнать нам не сегодня. А в Вологде и в Москве её имя уже стало хорошо известно. И оттого творческую судьбу её, несмотря на все драматические перипетии, можно назвать удачной.

Все её ожидания и все её прощания, которыми наполнены её стихи, – не в этом ли и суть самой лирики? А все неустоявшиеся оценки своего бытия – это и есть поэзия.

*Всё в жизни переменится
Всё в жизни перемелется...
А сердце всё не мирится,
А сердцу всё не верится...*

И в утрате счастья заключён смысл счастья. А в утрате жизни заключается жизненный смысл. Потому и в окончании земного бытия не может не быть обретения неба, особенно у поэтов.

В стихах настоящих поэтов постоянно нащупываются связи между земным и небесным, ощущается их трагический разрыв даже в тех радужных мостах, что наведены природой и лирическим воображением. К таким поэтам я отношу и Нину Груздеву. А в мироощущении такого рода состоит ценность и её лирики, искупленная нелёгкой судьбой её.

Каждый из поэтов, кто по-рубцовски чувствует самую жгучую, самую смертную связь со всей Вселенной, своим творчеством и своей судьбой рано или поздно наводит какие-то незримые тонкие духовные мосты в ней. Своё призвание в этом подспудно почувствовала, выпестовала, как росток, прекрасно выразила в своём творчестве и Нина Груздева. Дай Бог ей здоровья, долгих лет земной жизни! И дай Бог ей небесного бессмертия!

Олег ДОРОГАНЬ

Нина Груздева:

«Я ТАК ПИСАЛА, КАК ДУША ВЕЛЕЛА...»

1. «ТАК ЛЮБОВЬ МНЕ СКАЗАЛА...»

Недавно композитор Надежда Берестова представила землякам новый диск с песнями на стихи Нины Груздевой «Здравствуйте, клёны». Слушал их в исполнении Елены Никитиной, Александры Колотий, Анны Малиновской и радовался за Нину Васильевну. Какие же песенные у нее стихи и как легко и красиво ложатся они на музыку талантливого человека! Жаль, что не было на вечере самой поэтессы. Пришел домой и сразу открыл её книгу «Краешек зари». Открыл и погрузился в её светлое пространство. Прав литературный критик Виктор Бараков, написав в предисловии к книге «Часы песочные»: «Нина Груздева не могла писать по-иному, невозможно было обуздать вольный дух поэзии в его высшей гармонии...»

Она не могла не писать стихи, как будто заранее зная, что только их, как «небольшое наследство», она в будущем и оставит людям. Стихи, которые она никогда «не выдумывала», а строки к ним ночами бессонными не вымучивала. Строки ей «кто-то ночами диктовал», и мучительно желанные строчки «ложились сами».

Стихи свои она писала и пишет так, «как душа велит». Стихи, в которых она смогла «любовь и слёзы сплавить в слова», слыша не только свою «песню где-то в вышине», но и угадывая «мелодию» к ней.

Стихи ее потому истинны и пронзительны, что приходят к ней нечаянно, «приходят, как любовь, что кажется всегда последней». Она чувствует, как через строки, надиктованные свыше, струятся вниз на Землю солнечные токи, а земные поднимаются в небо. «Токи», которые и читателя «растревожат, обожгут и уведут от всех болезней». Её величеству Поэзии только и хотела Нина Груздева на «чистую страницу» «поведать всю горечь дней своих и мук».

У неё в литинституте складывалось всё так счастливо и удачно, что никто бы и подумать не мог, что она, имея «в кармане и прописку, и работу на выбор», когда её «стихи хорошо печатались в журналах, а журналы заказывали переводы стихов», когда на её стихи звучали песни, написанные популярными композиторами, вдруг оставит Москву, уедет на родину и на долгие годы замолчит.

Это она-то, Нина Груздева, которая «талантливостью и внешностью украшала курс» Виктора Бокова. Это она-то, Нина Груздева, которую Фёдор Сухов называл «вологодской иволгой с голосом, данным самой природой». Это она-то, Нина Груздева, которую Илья Сельвинский поставил в ряд лучших поэтов России («ЛГ», № 17 от 26 апреля 1967 года). Это она-то, Нина Груздева, которой посвящали стихи Александр Решетов и Николай Кутов и которой писали письма Олег Шестинский, Иван Акулов, Василий Белов и Константин Коничев.

А значит, и у неё в жизни не всё было так безоблачно и гладко, как могло показаться на первый взгляд. Настроение конца шестидесятых она хорошо передала в письме, адресованном Сергею Орлову, но так и не отправленном. Вот строки из него:

«Здравствуйте, Сергей Сергеевич!

Вот уже год, как Вы просили прислать Вам мои стихи, а у меня до сих пор нет ничего настоящего, достойного внимания.

Со вчерашнего дня я твёрдо решила ничего не писать больше, хотя такое решение принимаю далеко не впервые. Надеюсь, что на этот раз выдержу.

А зачем писать, для кого?

Газеты не печатают, говорят, уж слишком не газетные мои стихи, а до центральных журналов мне дальше, чем до Луны.

Хочется спросить: а у Сильвы Капутикян, Василия Фёдорова, Степана Щипачёва разве мало напечатано в газетах так называемых «не газетных» стихов? Но сознание подсказывает: уж слишком большие имена ты тревожишь! Читаю журналы и вижу очень часто, что имя – главное, что если «имя» напишет и дрянь – её всё равно напечатают, а люди читают и возмущаются или считают себя непроходимыми дураками, которым недоступна высокая поэзия.

Но всё же лучше писать хорошие стихи, чем иметь громкое «имя». Их всё равно будут знать люди, пусть и не многие. Мне же не нужно больше ни стихов, ни, тем более, «имени». Упаси Бог!..»

Да, многие тогда о стихах её «говорили хорошо». Василий Фёдоров называл их «высокой поэзией», с ней встречался Сергей Наровчатов и потом напечатал стихи во всесоюзном «Дне поэзии» за 1970 год.

В письме к Василию Белову она пишет, что «список хороших слов» можно продолжать и продолжать, но все они, в том числе и слова самого Белова, «останутся звуком, если не станут печатным словом».

Позже, в середине девяностых, когда она вернётся в поэзию и ей потребуется предисловие к новой книге, Нина Груздева обратится за ним и к Василию Ивановичу Белову. В письме к нему, обиженная его «обоснованным» отказом и уже наученная горьким опытом, она в сердцах напишет, что мы порой «слишком долго выясняем – стоит или нет подавать руку помощи, а когда выясним, то оказывается вдруг: помощь уже не нужна – человек утонул. И не важно, где он утонул: в вине, или в суете, или просто обессилел от бесплодных попыток в одиночестве пробить стену равнодушия».

Она ещё в те счастливые для неё годы поняла, что «пробиться в этом сложном мире без помощи никому еще не удавалось». Она объясняла земляку, что его «слово положительное – жизнь, отрицательное – приговор».

Рекомендацию в Союз писателей ей дал Александр Романов. Он отмечал, что «вся её поэзия – это страстное одоление одиночества и поиски радостей жизни в творчестве». Рекомендовал её в Союз и Николай Старшинов. Он тоже не поскупился на «печатные» слова и, в частности, подчеркнул, что «лучшие её стихи, посвященные любви, родной земле, её природе, – лаконичны, по-настоящему прочувствованны, в них есть та хорошая простота, которую я высоко ценю».

Нет, у Нины Груздевой иной судьбы быть не могло, и весь драматизм её – судьбы поэта – был предопределен свыше. Я, признаться, и не знал, что она, ярко заявив о себе еще в юности, потом вдруг на долгие годы замолчала, чтобы однажды уже на краешке жизненной зари пропеть свою лебединую песню. А не пропеть её она опять же не могла, потому что на то была не её воля...

Тема любви стала для неё стержневой. «Стихи, написанные ею на эту тему, являют собой как бы повесть-исповедь о любви – об одной-единственной, ушедшей, но не проходящей...» (Борис Шишаев).

Любовь – это её Судьба и состояние души.

Наверно, не было бы и пронзительных её стихов, если бы любовь, «оставшаяся в прошлом», время от времени «не отзывалась впереди». Если бы в памяти не осталось его светлое имя, которое она в минуты радости и горя «шепчет, как заклинанье», потому что

*Оно сильней, значимей, выше
Всех наших встреч и нас с тобой.*

Вот такая она – неукротимая любовь необыкновенной женщины! От неё не отмахнешься и не спрячешься.

*Я водой заливала.
Засыпала песком,
А она расцветала
Самым ярким цветком!*

*Я ногами топтала,
Я косила косой,
А она выступала
Чистой-чистой росой!*

*Я косила – шептала:
«Не моя! Не моя!»
А она мне сказала:
«Нет, бессмертная я!..»*

*Не нужны мне хоромы
Не нужны терема.
А меня похоронишь –
Станешь мёртвой сама!*

*Не топи меня в речке.
Не старайся зарыть.
А заноеет сердечко –
Не старайся забыть!» –*

*Так любовь мне сказала...
...Занимался восток.
Я золой засыпала –
Самый яркий цветок...*

Это стихотворение было напечатано во всесоюзном «Дне поэзии» за 1966 год.

Непростая судьба выпала на долю Нины Груздевой. Непростая потому, что это судьба поэта. У поэтической судьбы свое измерение времени и любви. У неё свой крест и своя нетореная дорога.

Если спросить у Нины Груздевой, счастлива ли она, то она, наверно, не задумываясь, ответит: «Да, я счастлива!..» Счастлива, потому что

*Пусто человеку в этом свете,
Если сердце глухо для любви...*

Нину Груздеву любовь поддерживает и сегодня, освящая каждый новый день, отпущенный ей Богом...

Она никогда не теряет присутствие духа и надежду. Не теряет даже тогда, «когда жить совсем не хочется», не теряет потому, что «у неё есть Творчество», и оно её всегда спасает...

2. «ОСТАНОВИСЬ, ПОСЛУШАЙ ВРЕМЯ!..»

Неудивительно, что читателям стихи Нины Груздевой близки и понятны. И не только женщинам. Уж слишком они по жизни похожи – судьбы женские. Уж слишком они одна с другой созвучны.

И не сразу, но поняла она, поскитавшись по белу свету, что «счастье-то – в простом людском участье».

Её уже давно «тревожит память тех далёких дней», тревожит и «болит», потому что память, подводя итоги прожитых лет, и ей «предъявляет свои иски». Она искала тишины, но с годами поняла, что и «в тишине нет покоя», потому что тишина не что иное, как она сама, оставшаяся наедине с собою и своей жизнью, в которой и у неё часто «мело и студило», гремело и сверкало.

Жизнь ее, как мы видим, не баловала. Уходили друзья в мир иной, и с каждым из них уходила «в Тайну и частица её жизни». Вроде и довольствовалась она малым: «хотела создать рай в шалаше» и «мечтала построить дом на песке сыпучем», чтобы «зажить в нём». Но на поверку вышло так, что по жизни оказалось «это малое – так непросто».

Но для поэтессы с каждым новым жизненным кругом «всё становится вдруг понятно». Понятно, почему «стояла ранняя весна, а будет поздняя». Понятно, почему с годами всё чаще хочется «занять у юности – светлой мечты», а «у неба – высоты».

Понятно, почему в жизни, «на трудном её рубеже», «душа стучится к душе» и почему, «натрудившись, душа хочет к близкой душе прислониться», да вот беда – времена изменились, и «где же сейчас ты ей душу такую найдешь?».

Понятно, наконец, почему «назад от нас бежит дорога и расцветают вёснами года» и почему наступает «пора задуматься» о времени и о себе.

*И от ошущенья,
Что всё преходяще.
Становится грустно,
Становится больно...*

Это о времени, в котором «год проходит, как день», чтобы уже никогда не повториться.

«Да, всё проходит. Раз и навсегда». А мы живем и «порой не замечаем, что дни бегут. А дни бегут».

Потому так и хочется, чтобы это «чудо длилось подольше». Хочется, ведь так много прожито дней «напропалую, без оглядки». Даже не верится, было ли оно – то время, «когда и беда – не беда и тяжелое бремя – не бремя?»

Поэтесса живет с ощущением, что у неё «позади целых тысяча лет», и потому она наверняка знает, «кто друг, а кто предатель». Она современна, потому что остро чувствует не только своё время, но умеет ёмко сопрягать в стихах и уже отзвеневшие эпохи.

*Остановись, послушай Время.
И ощути его течение.
Такими тихими часами
Я думаю: что будет с нами?..*

Она «любит свое прошедшее»: «В нем есть всегда величественный трон, и слава, и забвение, и плаха...».

У неё и сегодня перед глазами, как на экране, «мелькают лица, села, города, события и встречи».

И каким бы оно ни было, выпавшее на её долю время, человеку всегда «много хочется рассказать и о себе» в нём. А рассказать есть о чем. Хочется вспомнить о том времени, когда «была молода», и оказаться в пленительной власти «родных видений». Подумать о матери, которая не уставала звать в деревню, «в свои края», туда, где осталась и её «простота, с которой она родилась».

Её родина – деревня Денисовская, что в пяти километрах от маленькой железнодорожной станции Пундуга в Харовском районе. Это через неё открыла она и родину большую, в любви к которой призналась так:

Родина моя – в моей крови.

Родина моя – моё начало...

Будучи в Харовске, я с радостью увидел в районной библиотеке стенд и альбом, посвященные творчеству Нины Груздевой. Земляки знают поэтессу, изучают её творчество и гордятся ею.

Я понимаю, почему в её стихи так часто врывается Весна. Врывается она потому, что поэтессе хочется у родной калитки встретить новую весну и, набравши воздуха, с радостью выдохнуть: «Здравствуйте, клёны!»

Ей хочется вернуться в «милые края» детства и услышать, как в заулках под окнами изб о наковальни бьют косы, когда «просыпается скот и хлопают ворота».

Ей хочется вернуться в юность и крикнуть на всю улицу: «Здравствуй, Рита! Здравствуй, юность! Здравствуй, Пундуга моя!» Она мечтает, отработав по хозяйству «до самого последнего луча», «вновь до зорьки не заснуть» и увидеть на утреннем небе «краешек зари», когда

И ночь пустилась без оглядки...

А следом, разгоняя тень,

Родился и привстал на пятки

С пелёнок красный новый день...

Ей хочется здесь, у родного порога, «забыть всё мелкое, чуждое, злое» и «почувствовать в каждой почке рождение жизни», а себя – «не царём, а частью природы». Почувствовать себя всего лишь маленькой и хрупкой «частицей бытия», «листочком после летнего дождя», когда «вокруг столько синевы», которой можно взахлёб «дышать, как вечностью». Ведь в природе тоже все «изменчиво, как в жизни нашей». Да, как и в жизни нашей, в природе всё изменчиво и преходяще. Придет время, и она, Нина Груздева, однажды станет «остывшей планетой». Её с младенческих лет «манят небесные чертоги», потому что рожала её мать на печке звездной ночью, и новая звезда, родившаяся в честь неё во Вселенной, обожгла душу и тело своим синим огнем.

Такое время придёт к каждому из нас. Рано или поздно. И за всё жизнь благодаря, и всё в ней принимая, одного, может, как и Нине Груздевой, будет нам жаль, оставляя грешную землю, жаль, что

*После нас не останется писем,
А душевные связи тонки,
И уносятся в звездные выси
Телефонные наши звонки.*

*Может, где-то в межзвёздной Вселенной
На звезде или в райском тепле
Вдруг наступит звонок, тот, последний.
Не заставший меня на Земле...*

В её личном архиве много писем от современников. Есть в нём и портрет Нины Груздевой кисти искусствоведа и художника Семёна Ивенского, в прошлом директора областной картинной галереи. На его обороте он написал еще и стихотворное посвящение, которое, на мой взгляд, очень точно передает отношение к ней людей, кто её по-настоящему знал и любил:

*Пушкой не очень он похож,
Простой портрет – не плод терпенья.
Но ты в его чертах найдёшь
Ума и сердца отраженья,*

*И пусть стихи не хороши
И очень мало в них искусства,
Зато искусство – от души
И непридуманного чувства.*

*Пускай завидует природа
Уменью легкому руки.
Мой скромный дар – не пустяки
И не стареет год от года.*

*С чем можно подыскать сравненье,
Раз ты здесь спасена от тленья...*

Прежде чем поставить точку в своих заметках о творчестве поэтессы, я набираю номер её телефона и радуюсь, услышав на другом конце провода её веселый голос, обрадованный неожиданным звонком...

Владимир КУДРЯВЦЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

Душа	5
«После нас не останется писем...»	6
«Прокрался краешек зари...»	7
«Я – вся из звуков...»	8
Звезда	9
Родное	10
Здравствуйте, клёны!	11
Листик	12
Летний день	13
«День прошел...»	14
Любовь	15
Встреча.....	16
«Не проклиная тех...»	17
«Надежде верила, мечте...»	18
«Я хотела с тобой побродить...»	19
Тишина	20
Счастье	21
«Какая ранняя весна!..»	22
«Где-то месяц плывет во ржи...»	23
«Я по льду шла...»	24
«Сидишь – нога на́ ногу...»	25
«Хотела сердце я стреножить...»	26
«В пути и пусто, и темно...»	27
Твое имя	28
«Тебе другие нравятся...»	29
«Я водой заливала...»	30
«Ты не хмурься...»	31
«Я не буду писать письма...»	32
Свет	33
«Прости – прощай...»	34
Мой лесник	35
«Если б чувствовал ты...»	36

«Если виноват...»	37
«Часто я на тебя смотрю...»	38
«Я могла бы молчать...»	39
«Успокойся, я больше тревожить не стану...»	40
«Мы и влюбляемся, и плачем...»	41
«Открывем сердечных «америк»...»	42
«Уймите справедливые упреки...»	43
«Не отдохнув, не разлюбив...»	44
«Я не унижусь пред тобою...»	45
«Ты – просто прохожий...»	46
«На сердце будто полюс холода...»	47
«Берег левый и правый...»	48
«У плетня пустеющего сада...»	49
«Всё кончено...»	50
«Не знаю я...»	51
«Нет, уйти мне назад бы...»	52
«Я хотела тебя забыть...»	53
«Манишь ты меня...»	54
«Милый, сердцу очень тяжело!»	55
«Посижу, помолчу...»	56
«Забыл, забыл!»	57
«Я трудно шла...»	58
«Ах, как сердце кричит!»	59
«Я несу тебе нежность...»	60
«– Не могу без тебя...»	61
«Любовь моя...»	62
«Пройдет и это...»	63
«Ох, как жду я...»	64
«Ты поменьше им верь...»	65
Прости	66
«Мы не все друг другу рассказали...»	67
«Страданье видеть перестал...»	68
«Теперь, когда шагаю...»	69
«От дождя проливного намокли...»	70
«Обещания, как снег...»	71
«Я скажу тебе...»	72
«Не в силах больше жить...»	73
«Месяц, а не день...»	74

«Пусть хотя б на несколько минут...»	75
«Опять сегодня...»	76
Глаза любимые	77
Цветы	78
«Высоко летала...»	79
Моей Родине	80
«Посижу на луговине...»	81
Утро в деревне	82
Бабы	83
Мама	85
Домой	86
«Я помню...»	87
В поле	88
Детство	89
Анна	91
Завет	93
«Последний луч ушел...»	94
Прощание	95
«Ухожу и мосты рублю...»	96
«Нет любви давно...»	97
Ветер	98
«Ах, поезд, поезд!..»	99
Сон	100
Сновидения	101
«Счастье мое горькое...»	103
«Когда страшит одиночество...»	104
Моим стихам	105
«Как мы порой не замечаем...»	106
«А на крыше дожди...»	107
«Поговорили. Объяснились...»	108
«Что, если на Земле...»	109
«Вещь как будто простая...»	110
«Я тебе принесла весну...»	111
«Весна распахнула окошко...»	112
Погодай мне, цыганка!	113
Музыка	114
Соловей	115
Облако	116

«Утром было тихо...»	117
Летняя ночь	118
Август	119
«Моя холодная заря...»	120
Не надо печали!	121
Осеннее	122
Снег	123
«Выйди на воздух морозный...»	124
Березка	125
В новогоднюю ночь	126
Предвесеннее	127
Апрель	128
«Все труднее дорога назад...»	129
Спасибо!	130
«Теперь, когда много покоя...»	131
«В природе весенняя нега...»	132
«Как весна проснулась рано!...»	133
Новые листья	134
«Мне говорят...»	135
«Опять я думала...»	136
Я строю дом	137
Друзьям	138
Где вы?	139
Звонок из юности	140
Новый источник	141
«У каждого – своя пята...»	142
«Что случилось...»	143
Бардак	144
Памяти кота Рыжика	145
Крыша	146
У памятника Рубцову	148
Друг	149
«Почему мне одной...»	150
Воскресение	151
Илье Сельвинскому	152
Булату Окуджаве	153
Кайсыну Кулиеву	154
Татьяне Волотовской	155

Ариадне	156
Вадиму Дементьеву	157
Геннадию Коротаяеву	158
Домашняя	159
Начало осени	160
«Уж ночь давно...»	161
«Стихи нечаянно придут...»	162
«Меняет время очертанья...»	163
Женщинам-поэтам	164
«Я устаю от прокламаций...»	165
«...А память, сдернув покрывало...»	166
«Просыпайся!...»	167
У края	168
«И жизнь – права...»	169
Настроение	170
«Как лист сорвется...»	171
«В часы, когда природа...»	172
Встреча нового тысячелетия	173
«Были радости, невзгоды...»	174
«Оттрещал, январь...»	175
Как летит время!	176
Часы песочные	177
Прошедшее	178
«Однажды я стану...»	179

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Джораеву	180
Чумаки	183
Старый аист	184
Предрассветное	185
Диалог с морем	186
Приди	187
Тоска	188
Колыбельная	189
Настроение	191
«Я пью за дядю...»	192
Мечта о счастье	194
Последнее лето старика	195

Одеяло моей бабушки	197
«Над Белой Русью...»	198
Я – Кара-чач	199
«– Почему же впустую...»	200
Махтал	201
«С годами я тоскую по весне...»	202

РАЗУМЕНИЕ СЕРДЦЕМ. О творчестве Н. В. Груздевой

Разумение сердцем. <i>Поэзия Нины Груздевой. Воспоминания и размышления</i>	203
Не погуби мелодию в душе!	209
Летящая. <i>(К 70-летию Н. В. Груздевой)</i>	212
Любовь воскресшая. <i>(К юбилею Нины Груздевой)</i>	214
«А душевные связи тонки...»	218
«Я так писала, как душа велела...»	222

Литературно-художественное издание

Нина Васильевна Груздева

ДУША

Избранное

Сдано в набор 7.10.2011 г. Подписано в печать 9.11.2011 г.
Формат 84х108/32. Уел. печ. л. 12,38. Тираж 1000 экз. Заказ 114.

ООО ПФ «Полиграф-Книга», г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Нина
ГРУЗДЕВА
Душа